ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 75 (2458) | Суббота, 18 сентября 1948 г. | Цена 40 коп.

Славный почин столицы

Двадцать один год назад, в сентябре 1927 года, в советской стране гостила американская рабочая делегация. Она имела беседу с товарищем И. В. Сталиным. В числе вопросов, заданных делегацией, был и такой: «В капиталистических странах основное побуждение для развития производства основано на надежде извлечения прибыли. Это побуждение, конечно, относительно, отсутствует в СССР. Что заменяет его, и насколько эта замена, по вашему мнению, эффективна? Может ли она быть постоянной?»

И товарищ И. В. Сталин ответил им:

«Если при капитализме рабочий рассматривает фабрику, как тюрьму, то при советских порядках рабочий смотрит на фабрику уже не как на тюрьму, а как на близкое и родное для него дело, в развитии и в улучшении которого он кровно заинтересован. Едва ли нужно доказывать, что это новое отношение рабочих к предприятию, это чувство близости рабочих к предприятию является величайшим двигателем всей нашей промышленности. Этим обстоятельством нужно об'яснить тот факт, что количество изобретателей в области техники производства и организаторов промышленности из рабочих растет с каждым днем».

Чувством близости к своему предприятию, непонятным для капиталистического мира, пронизан труд советского человека. И это горячее патриотическое чувство, которое проявляется каждый день и каждый час в большом и малом, с особой яркостью сверкнуло перед всей страной и перед всем миром несколько дней назад в патриотическом почине коллективов московских предприятий, выступивших с предложением начать развернутую борьбу за сверхплановые накопления. Два миллиарда рублей для дальнейшего укрепления могущества социалистической отчизны, для дальнейшего ее продвижения вперед обещают дать коллективы предприятий Москвы и Московской области благодаря новому повышению производительности труда, механизации трудоемких процессов, лучшей организации производства, экономному расходованию сырья и материалов, внедрению в промышленность поточных методов.

Мы видим уже, как призыв Москвы подхвачен предприятиями Украины, Ленинграда и Урала. Наше государство получит новые и новые миллиарды для победного осуществления пятилетки до срока. Этот патриотический почин ценен и тем, что в нем проявляются новые качества советского человека, его высокая коммунистическая мораль. В этом почине еще и еще раз демонстрируется то огромное чувство близости гражданина нашей страны к родному предприятию, о котором говорил двадцать один год назад наш великий вождь и учитель товарищ Сталин.

Это драгоценное чувство заботы о родной стране, где трудовой человек является хозяином, где он работает на себя, где интересы государства и личности сливаются воедино, где человек рассматривает свой труд как творчество и приводит к нарождению новых и новых форм благородной инициативы простых людей, рядовых советских тружеников, стремящихся поднять мощь своего родного государства и знающих, что путь к этому — только в труде.

Миллиарды, которые получит государство в результате мобилизации советскими людьми всех внутренних резервов производства, слагаются из рублей, которые внесет своим умным творчеством каждый советский человек, человек высокой морали, высокого государственного сознания, новатор, герой нашего времени. Он своим повседневным трудом показывает рост культуры в народе, показывает, как в стране, шествующей к коммунизму, рушатся барьеры между трудом умственным и трудом физическим.

Москвичи, рядовые рабочие, творчески подходят к будничному труду и проявляют заботу о государстве в целом, об обществе, понимая, что крупное слагается из мелочей и что сэкономленный час горения электрической лампочки сказывается на снижении себестоимости изделия. В сознательном отношении к своему труду, как к делу общественной важности, отражен духовный облик советского человека. Людей сознательного труда показывает публикуемый сегодня очерк писателя Вас. Ажаева «Миллиарды — московские и всесоюзные».

Перелистайте книги изданной Профиздатом серии «Стахановцы новой сталинской пятилетки», и вы увидите передового человека: «Если хочешь сберечь час, береги секунды... В нашей стране тесно переплетаются интересы государства с личными интересами советского человека». Так пишет Мария Волкова, знаменитая текстильщица, удостоенная звания лауреата Сталинской премии. «Рентабельность завода — кровное дело рабочих» — так называется целая глава в книге знатного уралмашевца Виктора Пономарева. «Работая по-новому, сэкономим средства» — это глава из книги скромной торфяницы Ольги Кузнецовой. Где, в какой еще стране могут родиться такие слова в устах рядовых рабочих? Только в нашей стране, где тон во всем задают передовые люди из народа, число и общественное значение которых растет с каждым днем.

«...Я вижу, что в наш мир пришли иные, новые герои, — герои иного характера, иных целей. Этих героев родит и выдвигает трудовая масса», — писал Алексей Максимович Горький.

Тщательно изучая ростки нового, внимательнейшим образом относясь к ним, как учил Ленин, как учит Сталин, — советские литераторы должны показать героев «иного характера и иных целей», которых родит и выдвигает трудовая масса. К сожалению, в нашей литературе еще мало страниц, посвященных этим людям повседневного вдохновенного коммунистического творчества, подобным москвичам, которые выступили инициаторами нового почина, так много сулящего государству. Юрий Крымов в «Танкере «Дербент» ярко, образно нарисовал картину того, как людей, вступивших в социалистическое соревнование, охватывает радость творчества, инициативы, как меняется облик человека, охваченного пафосом творчества. И отразить этот пафос творчества — святой долг нашей литературы.

Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма» предвидел, что «общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будут нуждаться в совершенно новых людях и создаст их». Это время наступило. Черты характера новых людей, людей коммунистического общества, проступают в поведении наших героических современников — рабочих и работниц, инженеров и техников, которые под руководством партии Ленина—Сталина творят новое и смело стирают грани между близким и далеким. И каждый день, каждый час видим мы, как «социалистическое сознание ускоряет движение советского общества вперед, умножает источники его силы и могущества» (А. Жданов).

Славный почин москвичей, творческая воля московских большевиков, партийных и непартийных, ускоряющая наше движение к коммунизму, — одна из замечательнейших страниц героической поэмы нашей современности, нашей великой сталинской эпохи.

Миллиарды—московские и всесоюзные

Василий АЖАЕВ

В первые месяцы послевоенной сталинской пятилетки мне пришлось услышать на площадке одного строительства беседу опытного бетонщика-стахановца с бригадой молодых рабочих, окончивших школу ФЗО и только что пришедших на производство. Стахановец, человек лет тридцати, с увлечением рассказывал семнадцатилетним юношам о том, как в свое время он начинал работать, как осваивал технику и входил в тонкости бетонной кладки. При этом он то и дело смотрел в старую пожелтевшую газету.

Я услышал имена товарищей Сталина и Орджоникидзе, фамилии Стаханова и Бусыгина и не сразу понял, что стахановец читает молодым бетонщикам материалы газетного отчета о Всесоюзном совещании стахановцев, происходившем в 1935 году. Юноши пристально следили за живой и страстной речью людей, выступавших с трибуны Кремлевского зала, и не заметили моего прихода. Закончив чтение, мастер-бетонщик, заметно волнуясь, уже своими словами передал то место из стенограммы, где скромная стрелочница из Омска рассказала вождям партии и правительства и участникам совещания о том, как она сделала образцовой свою будку на станции, поняв, что и работа стрелочника есть дело, хоть небольшое, но государственное.

Отложив газету, стахановец внимательно оглядел бригаду молодых и веско, серьезно заявил, словно резюмируя: «Новая сталинская пятилетка касается всех нас, и мы должны каждый день беспокоиться и думать, каким образом выполнить ее быстрее и лучше — каждый на своем участке. Может быть, кто-нибудь думает работать с прохладцей... Это не годится. Мы не имеем права работать хуже, чем работали во времена довоенных пятилеток те люди, о которых я вам сейчас рассказывал. Больше того: мы обязаны и будем работать лучше».

Эти слова были приняты без возражения, как должное, и бетонщики перешли к практическим делам. Воспитанники школы ФЗО выступали один за другим, указывали на недостатки в организации работ на площадке и вносили предложения — явно скромные по масштабам, однако дельные и практически ценные. Забыв о цели появления на участке, я вслушивался в их беседу и с невольным изумлением и чувством восторга, думал: какой огромный путь мы прошли за тринадцать лет со времени Первого всесоюзного стахановского совещания; выросло новое поколение рабочего класса, для которого та пора борьбы за «коммунистическое далеко» уже является историей; страна в своем историческом развитии сделала гигантский скачок вперед и те, кто начинал трудовую деятельность в годы первых пятилеток, ныне, вроде этого мастера-стахановца, выступают умелыми, вполне зрелыми бойцами за коммунизм.

Мне вспомнился этот маленький эпизод, когда я узнал о совещании работников московской промышленности и об их письме товарищу Сталину, где говорилось о решении начать борьбу и соревнование за два миллиарда рублей сверхплановых накоплений. Нельзя без волнения читать эти замечательные документы, свидетельствующие о новом всенародном новаторском почине. Коммунистическое воспитание трудящихся, неуклонно и заботливо осуществляемое большевистской партией, дает новые, богатые плоды. Во всем величии предстает благородный облик советских людей — носителей новой коммунистической морали, чьи мысли и действия проникнуты государственной целеустремленностью. Советские люди в свою простую повседневную работу вкладывают всю душу, всю творческую энергию, ибо ясно и отчетливо знают: из копеек складываются миллионы, из кирпичей возводятся большие дома. Так из малых трудовых усилий работников, об'единенных в многомиллионный социалистический коллектив, непрерывно рождается светлое будущее.

Торжество ленинско-сталинских большевистских методов руководства народными массами и великолепный процесс непрерывного духовного совершенствования советского человека отражены в быстро распространяющемся по всей стране всенародном творческом движении за сверхплановое снижение себестоимости, за новый мощный под'ем производительности труда во всех отраслях социалистической промышленности. И мне кажется, никто из советских писателей не может остаться равнодушным к этому новому движению народа. Размышления о письме москвичей товарищу И. В. Сталину должно, очевидно, усугубить у всех нас чувство еще далеко не оплаченного долга перед народом. Честно признаюсь, что наряду с радостью, какую принесло мне знакомство с материалами совещания москвичей-производственников, я испытал огорчение от сознания того, что созидательная деятельность литераторов — при многих достижениях лучших наших писателей — сильно отстает еще от созидательной деятельности всего народа.

Я всю сознательную жизнь был связан с производством и за короткое время профессионально-литературной работы не отвык считать себя производственником. Может быть, поэтому обычный газетный отчет о выступлениях участников совещания вызвал во мне вполне конкретные мысли и ассоциации. Я отчетливо представил себе, как из усилий сотен тысяч тружеников-москвичей складываются драгоценные два миллиарда рублей сверхплановых накоплений, столь нужных нам для досрочного выполнения послевоенной сталинской пятилетки. Некоторое время до войны мне привелось руководить работой бюро рационализации и изобретательства на одном дальневосточном строительстве. Помнится, только за 1939 год строители на этом участке дали государству свыше семи миллионов рублей экономии за счет одного лишь изобретательства. Эти миллионы сложились в результате проведения в жизнь нескольких тысяч различных технических усовершенствований, главным образом, небольших, подчас дававших десятки рублей, усовершенствований, внесенных рядовыми людьми.

Высказывания директоров, партийных руководителей и стахановцев московских предприятий, их отчет о производственных достижениях и обязательство, данное ими в письме товарищу И. В. Сталину, звучат чрезвычайно убедительно. Никто не может сомневаться в том, что москвичи, а за ними их последователи во всех частях страны сдержат свое слово и выполнят обязательства. Советские люди никогда не бросали слов на ветер и всегда делали даже больше, чем обещали! И потому вслед за московскими двумя миллиардами пойдут миллиарды всесоюзные, много миллиардов, — в этом можно не сомневаться.

Всему миру известно, какие трудовые подвиги совершил наш народ во время войны. Об этом написано немало произведений и много еще будет создано. В опубликованном в последних номерах «Нового мира» романе «Далеко от Москвы» я, в пределах своих сил, старался воспроизвести картину одного из многочисленных боев, выигранных в тылу гвардейцами труда. Я, разумеется, понимаю, что в жизни эти люди красивее и богаче духовно, чем удалось автору воспроизвести их в образах первого романа. Сейчас, в пору нового творческого народного под'ема, я мысленно вижу своих героев в иной обстановке, в обстановке сегодняшних дней. Представляю начальника строительства Батманова, парторга Залкинда, инженеров Беридзе, Ковшова, Таню Васильченко, сварщика Умара Магомета, землекопа Зятькова, десятника Карпова и других, представляю, как они составляют ответ москвичам на их вызов!

Прошедшие годы осуществления послевоенной пятилетки дали огромные и богатейшие материалы для творчества литераторов. Советские люди, осененные знаменем партии Ленина — Сталина, продолжают двигаться вперед. Их новые богатырские дела говорят о их дальнейшем духовном росте.

Родные и близкие мне дальневосточники тоже могут назвать среди своих земляков немало новаторов, людей, вносящих «живинку» в дело. Токаря Хабаровского судоремонтного завода коммуниста Александра Семенова знают и москвичи: в прошлом году он приезжал из Хабаровска на Всесоюзный с'езд профсоюза рабочих речного транспорта. Своим выступлением — умным, страстным и дельным — он привлек к себе симпатии всех участников с'езда. Кто-то метко назвал его «рабочим-профессором» за манеру говорить, за глубокое теоретическое знание дела. Предложения Семенова вошли в решения с'езда, а привезенные им авторские экземпляры брошюры «Мой опыт работы» разошлись по рукам товарищей.

Семенов — живой пример того, как в нашей стране стирается противоположность между умственным и физическим трудом. Семенов — высококвалифицированный специалист, знаток токарного дела и подлинный новатор, для которого работа у станка—непрерывный творческий процесс. Итог работы Семенова — выполнение им своей пятилетки уже в декабре 1947 года.

Второй знатный дальневосточник—слесарь Хабаровского завода имени Горького, коммунист Николай Лупашин. Его заслуга перед Родиной не менее значительна, чем Семенова. Лупашин обратил внимание на то, что в цехах завода наряду со стахановцами было много молодых, неопытных еще рабочих, совсем не выполняющих нормы. Обучение их шло медленнее, чем хотелось Лупашину. И Лупашин отрывался от станка, шел на помощь молодежи... Ему, советскому человеку, была чужда привычка отделять личные интересы от интересов государства. Однако через некоторое время его перестала удовлетворять помощь товарищам от случая к случаю. И у него родилась идея о постоянном шефстве над двумя-тремя новичками! Лупашина взволновала и окрылила мысль о воспитании молодых рабочих и в других цехах завода, и на других предприятиях — не только родного города, но и всего края. Николай Лупашин обратился через краевую газету ко всем стахановцам Дальнего Востока. Голос его услышали, и теперь в нашем крае широко развернулось «лупашинское» движение. Как много принесло это движение в фонд выполнения пятилетки, как много дало оно для роста производительности! Из таких предложений тоже складываются тысячи и миллионы сэкономленных рублей, добытых страной благодаря дополнительному росту производительности!

Один из первых последователей Лупашина, названный уже нами токарь Александр Семенов сказал:

«Мы живем в советской стране, у нас для всех хватит дела, и хранить свой опыт в секрете стахановцам не к лицу и незачем. Наоборот, чем шире распространим мы его, тем лучше станет работать наша промышленность, тем богаче будет наша страна, а значит — лучше заживет каждый из нас...»

В этих простых и мудрых словах виден передовой советский гражданин, человек новой коммунистической морали, привыкший связывать свою повседневную работу с грандиозной созидательной деятельностью всей страны. О таких людях хочется думать, говорить, писать в те дни, когда в стране поднимается новое движение патриотов, людей новой коммунистической морали, людей высокого сознания, большого творческого горения.

Мы, дальневосточники, гордимся нашей любимой Москвой и славными москвичами, подающими пример всей стране.

Москва—Родине

Страны советской авангард,
Великая Москва
Дает стране не миллиард,
А вдвое больше — ДВА!

Их сбережет стране родной
Москва за этот год
Ценой энергии двойной,
Утроенных забот.

С. МАРШАК

Накануне 10-летия выхода в свет Краткого курса истории ВКП(б)

Президиум Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний принял решение провести в Москве цикл лекций в связи с исполняющимся 1 октября десятилетием со дня выхода в свет классического труда И. В. Сталина «История ВКП(б). Краткий курс». В тематический план на октябрь включены лекции академика Г. Ф. Александрова на тему «Диалектический материализм — теоретическая база коммунизма», профессора Б. М. Волина — «Краткий курс истории партии — научная история партии», проф. Ф. В. Константинова — «Дальнейшее развитие исторического материализма И. В. Сталиным в Кратком курсе истории ВКП(б)», министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова — «Краткий курс истории ВКП(б) — могучее средство в идейном воспитании советской интеллигенции».

К 30-летию ВЛКСМ

Литературные чтения и выставки в цехах

Дворец культуры автозавода имени Сталина деятельно готовится к празднованию 30-летия Всесоюзного Ленинского комсомола.

Начат цикл вечеров молодежи «Навстречу 30-летию ВЛКСМ». Кружки художественной самодеятельности готовят специальную концертную программу для выступления во Дворце культуры и в цехах завода. На торжественных собраниях, посвященных юбилею, будет показан спектакль-концерт «Ленинский комсомол». В крупнейших цехах во время обеденного перерыва состоятся литературно-художественные чтения лучших произведений о молодежи.

Активное участие в подготовке к празднованию юбилея принимают работники и активисты библиотеки дворца. В цехах и рабочих общежитиях состоятся читки произведений советских писателей. Намечены выступления работников музея В. В. Маяковского на тему «Маяковский и комсомол». В октябре устраивается «литературный вторник», посвященный книге А. Фадеева «Молодая гвардия».

Во Дворце культуры будет открыта выставка «30 лет Ленинского комсомола». Книжные выставки организуются и во всех цеховых библиотеках.

Комсомольцы пишут историю своих организаций

Готовясь к юбилею ВЛКСМ, комсомольцы многих городов страны создают сборники, альбомы и выставки, посвященные истории своих городских и районных организаций. Так, по инициативе Харьковского городского комитета ЛКСМУ издается книга — «История Харьковского комсомола». Книга расскажет о возникновении комсомольской организации города, ее борьбе и работе в период гражданской войны и мирного строительства.

Раздел книги «Комсомол Харькова в Великой Отечественной войне против немецких оккупантов» показывает героизм комсомольцев в боях за честь и независимость Родины. Книга завершается описанием трудовых успехов молодежи Харькова в годы послевоенной сталинской пятилетки.

Сборник материалов по истории своей районной организации готовят комсомольцы Сунженского района Грозненской области. Среди собранного для книги материала — фотопортрет первого секретаря комсомольской ячейки, портреты комсомольцев — участников гражданской и Великой Отечественной войн.

Христо Ботев на украинском языке

КИЕВ. (Наш корр.). Книгу избранных произведений выдающегося болгарского поэта-революционера Христо Ботева подготовило к печати Государственное издательство художественной литературы Украины. Переводы стихов на украинский язык сделал поэт П. Тычина, вводную статью о жизни и творчестве поэта написал академик Н. Державин.

РАГУ ПО-АМЕРИКАНСКИ

„На совещании представителей четырех держав в Париже делегаты США и Великобритании упорно старались доказать, что это совещание представляет собою сессию Совета Министров иностранных дел. Когда советский делегат А. Я. Вышинский заявил, что Совета Министров здесь нет, так как на совещании отсутствуют три министра иностранных дел из четырех, и привел пословицу: «Для того чтобы сделать рагу из баранины, нужно иметь баранину», американский делегат Дуглас сказал: «Однако господин Шуман здесь, следовательно, есть и баранина и можно сделать рагу».

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

НАКАНУНЕ 50-ЛЕТИЯ МХАТ

Беседа с председателем Всесоюзного комитета по проведению юбилея МХАТ тов. П. Лебедевым

— Пятидесятилетие МХАТ СССР имени М. Горького — праздник всей советской социалистической культуры, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» председатель Всесоюзного комитета по проведению юбилея, председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР тов. П. Лебедев. — За полвека театр сыграл крупную историческую роль в развитии не только русского, но и мирового сценического искусства.

С первых же дней своего существования Художественный театр, основанный К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко, выступил как новаторский, глубоко прогрессивный театр. Опираясь на великие реалистические традиции русского национального театра, он боролся за полное обновление драматического искусства. МХАТ высоко поднял международный престиж русской театральной культуры, утвердив ее превосходство над современным упадочным, растленным буржуазным искусством.

За полвека своей творческой деятельности МХАТ завоевал любовь всего советского народа, стал его гордостью и славой. Едва ли найдется в нашей стране театральный коллектив, театральное учебное заведение, которое не испытало бы на себе мощного благотворного влияния творческого метода МХАТ. Влияние Художественного театра способствовало расцвету национального театрального искусства в союзных республиках.

Творческая судьба Художественного театра тесно связана с именами великих русских писателей — А. П. Чехова и А. М. Горького. Они помогли театру определить его общественный и художественный облик.

После Великой Октябрьской социалистической революции перед Художественным театром открылись новые горизонты. В театр пришли новые, более требовательные зрители. Удовлетворить эти высокие запросы народа помогла театру советская драматургия.

Руководители МХАТ К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко, оценивая искусство театра в советскую эпоху, подчеркивали его социалистическую сущность.

За годы советской власти, особенно после постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», МХАТ упорно работал над воплощением образов советской драматургии.

Сталинской премии были удостоены спектакли на современные темы: «Глубокая разведка» и «Офицер флота» А. Крона, «Победители» Б. Чиркова и другие.

Ведущих актеров театра хорошо знают и любят советские зрители. Многие из мастеров Художественного театра награждены орденами Советского Союза и почетными званиями, удостоены Сталинских премий.

В 1932 году, в связи с 40-летним юбилеем литературной деятельности М. Горького, Художественному театру было присвоено имя основоположника пролетарской литературы. МХАТ награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Принимая во внимание выдающиеся заслуги театра в развитии советского театрального искусства и его огромную роль в развитии мировой театральной культуры, Совет Министров СССР учредил Всесоюзный комитет по проведению 50-летнего юбилея МХАТ СССР им. Горького. Всесоюзному комитету поручена разработка мероприятий для популяризации среди трудящихся СССР значения деятельности МХАТ.

На первом заседании Всесоюзного комитета члены комитета ознакомились с постановлением Совета Министров СССР о проведении юбилея. Директор-распорядитель МХАТ тов. В. Месхетели рассказал о плане, составленном юбилейной комиссией театра. Он сообщил, что мастера театра проведут в Колонном зале Дома союзов творческую встречу с рабочими-стахановцами и инженерно-техническим персоналом предприятий Москвы. Намечены встречи с комсомольским активом столицы, представителями Вооруженных Сил СССР, учеными, с коллективом автозавода имени Сталина, со школьниками. В Политехническом музее состоится вечер на тему «МХАТ и советская литература». В Октябрьском зале Дома союзов намечено провести вечер воспоминаний общественных деятелей — современников и свидетелей первых шагов Художественного театра. Актеры МХАТ выедут в гости к шахтерам Подмосковного угольного бассейна и колхозникам Московской области. Намечены также выезды в Ленинград, Ярославль, Горький, Иваново, Тулу, Орехово-Зуево.

С 23 октября по 1 ноября МХАТ проводит юбилейную декаду, во время которой будут показаны лучшие спектакли театра.

В фойе театра организуется выставка «МХАТ в живописи», где будут представлены многочисленные полотна, хранящиеся в различных музеях страны.

Намечено провести по всей стране юбилейные вечера, конференции, лекции и доклады о МХАТ. Состоятся встречи мастеров Художественного театра с участниками Всесоюзного смотра театральной самодеятельности. В Москве будут проведены открытые доклады о творческом пути МХАТ, его основателях и ведущих мастерах.

Намечен большой план радиопередач.

С. ГОДУН

ТВОРЦЫ ПРИРОДЫ

1.

Этот разговор произошел у скрещения профилированных дорог в летнюю полночь. С вечера прошел дождь, и махонький старичок с лицом, украшенным бурой неубранной бородкой, все еще не решался поднять шлагбаум над дорогой, нежный покров которой он оберегал. В ожидании попутных машин у его хибарки собралось несколько пассажиров — все, кто намеревался до рассвета попасть на дальние отделения совхозов.

Ветер дул с юго-востока, и голос человека, расположившегося со своим спутником под акацией, был хорошо слышен.

— Что говорить, это любопытно, — произнес он задумчиво, обнаружив при этом волжский выговор. — Последний раз я был на Кубани в тридцать третьем. Она мне казалась экзотической — ваша Кубань. Хозяйства—гиганты: одной озимой по 20 тысяч гектаров, не сады, а целые фруктовые рощи. Это же сказка! Казалось, земля плодоносит вопреки воле человека. Воткни в такую землю посошок,— корабельная мачта выхватится...

На минуту он умолк, будто стараясь сосредоточиться. Ветер размыл над головой чистое озерцо неба. Зарделись яркие звезды.

— Мне не пришлось долго ждать, — продолжал он, — чтобы убедиться, как я был неправ. Я сошел с поезда вот здесь, на этой же станции Ново-Кубанской, и попутной машиной уехал на отделение; оно было тогда где-то под станицей Старо-Михайловской. Но едва машина выбралась на дорогу, хватил ветер и заволокло все небо. Такая тьма наступила вдруг, что шофер с'ехал с дороги и выключил мотор. Признаться, ничего подобного я не видел прежде, да и читать про это как-то не приходилось — земляная буря. Когда ветер стих и шофер отважился продолжать путь, странное зрелище являла собою степь. Ветер разворотил пашню и намел земляные бугры, высокие, покатые, как сугробы. Ветер снес верхний слой почвы вместе с семенами. Это было страшное бедствие...

— В тот раз, — продолжал он, — я впервые подумал о том, как бесконечно наивны те, кто судит о благах кубанской земли по той пословице о посошке и корабельной мачте. Кубанскому земледельцу приходилось бороться и с губительными ветрами, идущими с безводных просторов Ставрополья, и с нашествием саранчи, которая устремлялась сюда с прикаспийских болот, и с бурьянами, которые при малейшем ослаблении бдительности поднимались со страшной силой. Тогда уже мечталось, что на золотые эти земли должны притти великие умельцы.

На следующее утро я услышал нечто похожее на то, о чем говорил человек у акации. Вместе с секретарем Ново-Кубанского райкома партии Алексеем Александровичем Карлашовым ехал я из Ново-Кубанской в центральную усадьбу совхоза.

Уже обозначилась впереди зеленая громада усадьбы, когда Карлашов заметил:

— Я вот сейчас думаю о том, что в эти годы заметно изменился сам облик специалиста нашего земледелия. Наши специалисты больше, чем это было прежде, стали людьми творческими. Они не просто следуют традициям, они ищут.

Помолчав, он добавил сосредоточенно:

— Этой весной я был свидетелем любопытного спора между главным агрономом совхоза Караеровым и группой научных работников местной опытной станции. Речь шла, насколько я помню, об одной из разновидностей опыта по подсеву трав к культурным растениям. Работники станции ополчились на Караерова, доказывая несостоятельность эксперимента. «Поживем — увидим, — сказал Караеров. — Растение вырастет и решит наш спор». И вот растение выросло и решило спор в пользу Караерова. Тогда агроном раскрыл карты: «Не я являюсь автором этого опыта. Я заимствовал его у рядовых колхозников. Напрасно вы думаете, что вас победил я, — вас победили они!»

Карлашов улыбнулся — ему определенно нравился человек, о котором он говорил, и, когда машина вошла в пределы центральной усадьбы, он заметил, имея в виду агронома совхоза:

— Запомните: Пантелеймон Григорьевич Караеров. Будет возможность, — обязательно повстречайтесь.

2.

И вот мы беседуем с Караеровым.

— Дело, конечно, не во мне, — решительно отрезает он, и над свободным разлетом его темных бровей собираются сердитые морщинки. — Мне просто повезло — у нас коллектив хороший. Вы беседовали с нашим директором Караминовым? Или с моими товарищами — Мельником, Корабельниковым, Лепешкиным?

Но Карлашов был прав — дело было в Караерове, потому что большая опытная работа, которая велась все эти годы на полях, возглавлялась именно Караеровым. Это хорошо знали в совхозе. Один из тех, чье имя с такой признательностью упомянул Караеров, сказал мне:

— Попроситесь-ка с ним в степь. Это будет приятная поездка. Хорошо теперь в степи...

В степи было действительно хорошо. Степь лежала мощным массивом, и ничто не нарушало ее свободного течения, ни резкий извив реки, ни медленное падение степной балки.

Пара добрых гнедых коней, впряженных в легкую линейку, углублялась в степь. Дорога пересекала поля сжатой пшеницы и врезалась в заросли кукурузы, — мощные растения в полтора человеческих роста обступили дорогу. Потом дорога вошла в поросль суданки, и здесь окончательно утратилось ощущение степи, — трава укрыла собой и линейку, и рослых коней.

Караеров быстро обходит опытные участки трав. Здесь представлены травы самых отдаленных уголков земли. Время от времени он наклоняет стебелек и обнажает зерна, и на ладонь ложатся они одно другого диковиннее по форме и цвету.

Опыты с травами действительно увлекают Караерова. В этих опытах силен элемент нового.

Поля совхоза лежат на водоразделе между Кубанью и Лабой. Линия водораздела рассекает основной земельный массив. Высокий урожай здесь можно получить при частых и обильных дождях. Но дожди в здешних местах не так часты, к тому же в степях свирепствует суховей. И тут на помощь приходит травосеяние. Травы восстанавливают структуру почвы, ее прочность, ее способность противостоять ветрам, удерживать влагу.

Вот почему так упорно и широко работает с травами агроном Караеров.

Но травосеяние помогает решить проблему борьбы с суховеями лишь частично. Где же другое действенное средство?

В трудах Докучаева и Вильямса имеются ценные указания, относящиеся к проблемам получения устойчивых урожаев на водоразделах. Великие ученые советовали покрыть водоразделы лесами, опоясать лесными полосами нашу степь и, таким образом, одолеть суховей. За несколько лет до войны совхоз начал эту работу: сравнительно большой массив совхозных полей был покрыт ветрозащитными полосами.

Мы стоим с Караеровым у скрещения дорог. Степь медленно возвышается на запад — здесь уже чувствуется близость водораздела. Здесь высокое небо и горизонты развернулись во всю ширь степи.

— Мы не хотим обманываться, — говорит Караеров. — Наши лесные полосы защищают лишь часть полей совхоза. Чтобы защитить весь массив посевных площадей, предстоит большая работа. В совхозе заложен питомник колючей акации, мы уже поставили под пары все участки, где будут высажены молодые деревья. Эта работа рассчитана на пять лет.

— А как же теперь?

И Караеров, верный себе, обращается к эксперименту.

В степи, подверженной ветрам, был высеян опытный участок пшеницы. Пшеничное поле было разделено посадками кукурузы, каждая из которых представляла собой своеобразную защитную полосу. Ровные линии этих посадок как бы разграфили пшеничное поле, как графят писчий лист бумаги. Пшеница созрела, ее осторожно убрали, точно подсчитав, какой урожай дал первый метр посева, прилегавший к полоске кукурузы, второй, третий. Результаты оказались разительными: по мере приближения ветрозащитной полосы урожай пшеницы с каждого квадратного метра увеличивался на 25 процентов.

3.

Трудно удивить Кубань новыми опытами по выращиванию озимых и яровых пшениц. На Кубани сеют эту культуру с давних времен. Сложились уже свои традиции. И тем не менее, даже в этом, казалось бы, ясном и давно изведанном деле есть свои белые пятна.

Караеров давно заметил: если засевать поля одним и тем же сортом пшеницы в течение нескольких лет, урожай будет заметно снижаться даже при соблюдении самых строгих правил научного земледелия — смене полей, тщательной обработке почвы. В чем же причина этого явления? И поиски дали свои результаты. Оказывается, причину нужно искать в том, как мир вредителей принимает и затем осваивает новое растение, появившееся в поле. Наблюдения показали, что вредители не сразу осваивают его. Прежде чем вредители примут новое растение в пищу, привыкнут к нему, почувствуют потребность в нем, должно пройти время. Следовательно, через правильные промежутки времени надо менять сорта пшеницы. Но это поставило перед совхозом сложную проблему: где найти равноценные сорта семян, причем в количествах, достаточных для того, чтобы засеять значительную площадь?

И агроном решает эту задачу. Он устанавливает своеобразный график смены сортов пшеницы. Чтобы получить достаточное количество семян каждого из этих сортов, он создает семенной участок на 100 гектаров, — здесь «размножается» пшеница, которой будут засеяны поля совхоза в следующем году.

Мы возвращаемся из степи, когда солнце низко спускается к горизонту и от ветрозащитных полос стелются длинные сумеречные тени.

Обратив взгляд далеко в сторону, туда, где в предвечерней мгле проступили контуры идущего по полю комбайна, Караеров сказал:

— Видите комбайн? Знаете, что он делает? Вот это следует посмотреть. Это можно увидеть только у нас.

Линейка подошла почти вплотную к комбайну. Это и впрямь было необычное зрелище. Комбайн шел по полю, на котором возвышалась густая и, казалось, непроходимая поросль зеленой массы,—трава, кукуруза, подсолнух.

— Вот как у нас приготавливают силос — быстро и экономно.

Это была очередная новинка Караерова: комбайн выполнял почти всю работу по заготовке силоса.

Операция поражала своей простотой и разумностью: комбайн снимал зеленую массу и мельчил ее, оставалось погрузить это крошево на тележки и затем уложить в силосные ямы.

— А вы заметили, как изменился сам облик кубанской степи? — сказал Караеров. — Ковыльная степь, серая, обожженная ветрами, уходит в прошлое. В степи зацвело дерево, да и краски стали иными. Вместо серых, безжизненных, возникли яркозеленые, а зелень всегда была символом жизни. Когда-то говорили, что с приходом человека природа умирает. Нет, это неверно: человек несет природе жизнь. Пройдет не так много лет, и вы не узнаете Кубани. Она будет еще богаче и краше.

Я невольно подумал о том, как счастлив этот человек, для которого великая идея преобразования стала ведущей идеей жизни.

КУБАНЬ.
Совхоз имени Сталина.

Да, искусство—всегда оружие!

В № 19 «Литературной газеты» была опубликована статья Сергея Образцова «Искусство — всегда оружие!», написанная как ответ на выступление английского режиссера Майкла Макоуэна в журнале «New Theatre». Мы помещаем здесь полученный из Англии отклик читательницы на статью С. Образцова.

Из писем зарубежных читателей

Меня очень заинтересовал Ваш отклик на статью Майкла Макоуэна. Я пишу Вам потому, что не хочу быть причисленной к тем, от чьего имени выступал Макоуэн.

К несчастью, положение таково, что во всех областях искусства в Англии задают тон Майкл Макоуэн, этот типичный лидер английского буржуазного театра, и его коллеги по «искусству для искусства». Но эти так называемые художники совершенно оторваны от основной массы народа, о котором Майкл Макоуэн не знает ничего и о котором говорит с таким пренебрежением.

Театр в Англии — это буржуазный театр; его идеология — буржуазная; его пьесы написаны для буржуазии; и цены на билеты, и месторасположение в городе, и время спектаклей таковы, что делают театр недоступной роскошью для рабочего.

Для того, чтобы получить при таких условиях работу, актеры должны безоговорочно подчиняться требованиям буржуазии, и всякому, кто откажется склониться перед ее диктатом, доступ в театр автоматически преграждается.

Продажные деятели упадочного буржуазного «искусства» не довольствуются развращением работников театра; они покушаются и на творения великих классиков. Пьесы Шекспира играют теперь в Англии в самых эксцентрических костюмах и в самом экстравагантном оформлении. Наново «отредактированные» тексты обессмыслены, шекспировских героев перекраивают на психопатологический фрейдистский манер. Замечательные образы, созданные великим драматургом, превращены в жалких марионеток: Гамлет — это безвольная тряпка; короля Лира представляют как болтливого, вздорного старика.

Пьесы Чехова в Англии играют с тоскливой сентиментальностью, придавая им очень близкое сходство с жизнью тех, кто смотрит спектакли. А театральные залы заполняются людьми, цепляющимися за последние остатки своей упадочной буржуазной «аристократичности», не способными что-либо увидеть за своими узкими классовыми горизонтами.

Мировоззрение, о котором Майкл Макоуэн говорит, что оно «над схваткой», это мировоззрение, оперирующее понятиями «вечных истин» — «добра», «правды», «красоты», не имеет никакого отношения к интересам общества. Люди типа Макоуэна клевещут на всех великих мастеров культуры, которые представляли и отстаивали силы прогресса и боролись своим оружием с силами реакции их времени.

Майкл Макоуэн защищает реакционную идеологию. Театр ему нужен для пропаганды идей буржуазии. Недавно поставленная им пьеса «Арена борьбы»—отличный тому пример. Макоуэн использовал эту пьесу в явно демагогических целях, она служит ему как отравленное оружие, как пропитанная хлороформом вата, и воздействует на аудиторию, как наркотик. Общество, старается убедить нас Макоуэн, это одно аморфное целое, противоречия в этом обществе вызваны несчастным стечением обстоятельств, и устранить их можно только перед лицом ужаса, перед лицом катастрофы.

Майкл Макоуэн не хочет, чтобы существующие в Англии классовые отношения эксплоататоров и эксплоатируемых изменились; покуда они есть, — он материально обеспечен, и поэтому он пытается ввести в заблуждение других, заставляя их думать, будто его точка зрения разделяется всеми в нашей стране, что здесь— полная свобода и терпимость. В действительности же социальный баланс в данный момент таков, что только Майклу Макоуэну и его коллегам предоставляется трибуна, хотя их голос — это голос меньшинства, служащего правящему классу.

Для меня искусство только тогда имеет ценность, когда оно, как Вы говорите, «служит интересам людей, интересам общества»; когда в Шекспире видят великого прогрессивного писателя, создавшего образы людей, для раскрытия и постижения которых нужно использовать весь накопленный художественный опыт; когда Максима Горького рассматривают не в качестве певца «униженных и оскорбленных», бродяг и странников, как это теперь принято в Англии, но как великого писателя, который способен был видеть и вырождение буржуазии, неуклонно идущей к упадку, и огромные потенциальные силы человека, и смелость и силу рабочего класса, ставшего впоследствии таким решающим фактором в росте могущества Советского Союза.

Политика для меня имеет первостепенное значение, ибо я понимаю, что ею определяется то, как я живу, что делаю, свободна ли я в своем выборе, могу ли работать в той области, где мне хотелось бы. И я как личность являюсь частицей класса, состоящего из людей, чьи взгляды я разделяю, и вместе с которыми я буду бороться за создание общества, обеспечивающего подлинный прогресс и демократию.

Я Вам пишу не потому, что думаю, будто Вы не осведомлены о положении театра в Англии, а потому, что совершенно согласна с содержанием Вашей статьи «Искусство — всегда оружие!».

Шлю горячий братский привет Вам, а через Вас Вашим товарищам артистам и ученым Советского Союза.

Мириам БРИКМЭН

ЛОНДОН. 23 августа 1948 года.

Славословие и брань вместо критики

Сергей ЛЬВОВ

Вся страна знает и любит книги, написанные после войны в Крыму и о Крыме. Но особенно хорошо знают и любят их здесь, в Крыму.

В библиотеке любого санатория, в книжных киосках Алушты и Джанкоя, Ялты и Симферополя вам непременно и с большой гордостью посоветуют прочитать «Счастье» П. Павленко, «В крымском подполье» И. Козлова, «Семью Рубанюк» Евг. Поповкина, «Теплоход «Кахетия» О. Джигурды. И читатель, уже знакомый с этими книгами, непременно перечитает их, ибо в Крыму связь книги с жизнью ощущается особенно «весомо, зримо». Здесь встречаешь немало людей, о которых окружающие говорят—«прототип Воропаева!» или, еще лучше — «последователь Воропаева, воропаевец!» На собрании критикуют руководителя за «корытовский» стиль работы.

Здесь критическая статья о записках О. Джигурды начинается словами: «Мне, как очевидцу и непосредственному участнику описанных событий... руководителю госпитальной службы на «Кахетии», проплававшему на ней до последних рейсов, знающему всех описанных и не описанных в записках людей... хочется сказать несколько слов об этой книге» (газета «Красный Крым»).

А правление колхоза шлет в редакцию литературного альманаха письмо: «Наши колхозники прочитали первую книгу «Семьи Рубанюк» Евг. Поповкина. Дальнейшая судьба героев нас очень заинтересовала. Ждем вторую книгу. Скоро ли она будет? Правление колхоза имени Сталина» (Альманах «Крым», № 1).

Ощущение живой творческой связи книги с жизнью не утрачивается и при знакомстве с двумя номерами альманаха «Крым», которые вышли в 1948 году.

Большую, трудную, благородную задачу поставили перед собой создавшие его крымские литераторы. В предисловии к первому номеру написано: «До неузнаваемости изменилась наша область, ставшая родной тысячам новых людей, пришедших из разных мест. Создать из них единую дружную семью, для которой все — от камня любой скалы до развалин севастопольских бастионов — стало бы навсегда близким и родным, помочь им увидеть, посмотреть Крым и служить его процветанию — основная задача крымского писательского коллектива и альманаха».

Этой цели не достигнешь сразу—одной, двумя книгами. Но даже первый номер, как уже отмечала «Литературная газета», свидетельствовал, что альманах — на правильном пути. Вторая книга в этом убеждении укрепляет. За полгода в альманахе напечатаны главы из второй части романа Евгения Поповкина «Семья Рубанюк», очерк П. Павленко «Берлин, Прага, Вена», рассказы о рыбаках Ильи Северцева и Николая Евдокимова, записки крымского партизана Ильи Вергасова, стихи молодых поэтов, очерки о строителях рудного комбината в Камыш-Буруне и о полеводческом звене Екатерины Нагаевой, статьи о Л. Толстом и В. Докучаеве в Крыму.

Оба номера радуют жанровым и тематическим разнообразием своих отделов. Проза, стихи, статьи и очерки, заметки писателя, искусство, библиография, читатели о книгах, переписка с читателями, хроника культурной жизни, юмор — таковы разделы альманаха, разнообразию и полноте которых мог бы позавидовать иной столичный журнал.

Но суть, разумеется, не только в тематическом многообразии. Основное в том, что лучшие вещи всех отделов альманаха пронизывает единое ясное устремление — быть в настоящей, действенной связи с жизнью области, активно вторгаться в ее повседневные дела. И если литературный стиль некоторых произведений и вызывает кое-какие упреки, то стиль работы альманаха и его редколлегии заслуживает одобрения и настоящей поддержки.

К сожалению, областная газета «Красный Крым» придерживается на этот счет иного мнения. Дважды выступала она с оценкой альманаха и дважды вместо того, чтобы поддержать большое творческое начинание крымских литераторов, критиковала альманах тоном брюзжащим и равнодушным.

О первом номере альманаха газета напечатала большую редакционную статью. В ней слишком явственно звучали два перебивающих друг друга голоса. Один — почтительный и вкрадчиво-нежный — там, где речь шла о писателях, широко известных, — Сергееве-Ценском, Павленко. Другой голос, в регистре от снисходительного до заушательского, предназначался для разговора с молодыми прозаиками и молодыми поэтами Крыма. Эти табельные градации были выдержаны настолько точно, что о Евгении Поповкине — писателе еще молодом, но уже получившем известность за пределами области, — была написана всего одна, но зато весьма дипломатическая фраза. Автор статьи хвалил альманах за опубликование глав из второй книги романа Поповкина, но предусмотрительно воздерживался от оценки произведения по существу. Лишь обращаясь к литераторам совсем молодым и пока, подчеркиваем, пока за пределами области неизвестным, автор редакционного обзора обретал отвагу и бестрепетно, одним взмахом чересчур бойкого пера зачеркивал целые разделы альманаха. Процитировав, например, неудачное четверостишье Б. Сермана, он продолжал: «Таких неровных, рыхлых стихотворений в альманахе не одно и не два». Обо всем достаточно содержательном отделе критики он замечал: «Отдел критики и библиографии альманаха пока еще слаб».

Поясные поклоны в сторону известных, нейтральные слова о менее известных, полупренебрежительное-полуснисходительное отрицание молодых — таков критический стиль этой редакционной статьи. Глубокое равнодушие к литераторам, создававшим альманах, и их работе обесценивало даже отдельные справедливые замечания, содержавшиеся в статье.

Но вот вышел в свет второй номер альманаха. И вновь в газете «Красный Крым» появилась критическая статья, на этот раз уже не редакционная, а подписанная одним из работников газеты Николаем Шагуриным. Ни словом не обмолвившись о редакционной статье, Н. Шагурин начинает на этот раз с восторженных похвал первому номеру альманаха. Если раньше «Красный Крым» критиковал альманах за неумение подойти к крымской действительности, то в статье Н. Шагурина близость к жизни сегодняшнего Крыма об'является главным достоинством первого номера. В чем же дело? Что побудило редакцию так стремительно пересмотреть свою позицию, так кардинально изменить свою оценку? Дело в том, что альманах получил за это время положительную оценку и на московском совещании редакторов областных альманахов и на страницах центральной печати. Беда не в том, что газета с опозданием поняла свою ошибку, беда в том, что изменение позиции она совершила безмолвно, ни слова не сказав о недостатках своей первой статьи. К тому же второе выступление газеты отнюдь не улучшает дела. Комплименты в адрес первого номера альманаха служат Н. Шагурину трамплином для заушательского охаивания второго номера. В этой статье мы вновь найдем комплименты в адрес отнюдь не нуждающегося в них П. Павленко и снова услышим грубые окрики в сторону молодых литераторов Крыма.

Похвалив, например, тему записок Ильи Вергасова «На Орлином залете», рассказывающих о партизанах-севастопольцах, критик, ничтоже сумняшеся, высказывается о них и о некоторых других произведениях следующим образом: «Они все же представляют собой экскурсы в более или менее отдаленное прошлое, не отражая современной крымской темы». Можно ли назвать первый в литературе рассказ о партизанах-севастопольцах экскурсом в прошлое!

Вместо того, чтобы об'ективно, со знанием дела и доброжелательно разобрать стихи шести поэтов, опубликованные в альманахе, Н. Шагурин переадресовывает им всем упрек, в свое время обращенный М. Горьким по адресу декадентствующей поэтической молодежи: «По отношению же к остальным стихам можно повторить упрек, высказанный лет 20 назад А. М. Горьким начинающим писателям. Алексей Максимович сетовал, что стихи многих молодых поэтов «поражают обилием холодной, брюсовской риторики или малокровной революционности, но в них совершенно отсутствует жанр, факт, отсутствует действующий человек». Можно представить себе, как оценил бы бережный учитель молодых М. Горький такую, с позволения сказать, критику. Не будем полемизировать с Н. Шагуриным, цитируя хорошие стихи из числа напечатанных в сборнике. И без того ясно, что критический «метод», который «Красный Крым» уже вторично применяет к областному альманаху, пользы принести не может. Обе статьи об альманахе не могут учить и воспитывать. Такие похвалы никого не радуют. Такие критические замечания никого не убеждают, ибо критику, в основе которой лежит табель о рангах, уважать нельзя.

Случайно или не случайно не смогла областная газета дать об'ективную оценку достоинств и недостатков альманаха? Не случайно, ибо литературная критика и библиография представляют собой весьма слабый участок в газете «Красный Крым». Газета не решается первой выступать по поводу важных явлений современной литературы. Статьи о книгах Павленко и Козлова появились на ее страницах много месяцев спустя после того, как эти произведения вышли в свет и завоевали признание народа. Критический отдел газеты обретает смелость только тогда, когда можно разнести молодого писателя. Сохранив молчание о многих и многих насущных вопросах литературы Крыма, областная газета печатает целый подвал, чтобы раскритиковать неопубликованное литературное либретто, написанное молодым поэтом А. Лесиным. Газета равнодушна не только к областной литературе, но и к наиболее важным темам литературной жизни страны. Явно недостаточно охарактеризованы на ее страницах произведения лауреатов Сталинских премий. О большинстве из них в газете вообще не напечатано ни строчки, а с некоторыми она знакомит читателя весьма странным способом. Так, например, перу того же Николая Шагурина принадлежит подвал «Автор «Белой березы» в Крыму». Вместо того, чтобы напечатать в газете серьезную статью о книге М. Бубеннова, «Красный Крым» публикует слащавый очерк, написанный в совершенно не свойственном нашей печати тоне рекламного интервью.

Обращает на себя внимание, что за последние полгода, за исключением двух статей П. Павленко о брошюрах новаторов сельского хозяйства, в газете почти совершенно отсутствует библиография. Таковы серьезные недостатки отдела критики областной газеты. Они могут быть устранены. В этом убеждают некоторые статьи, свидетельствующие о наличии настоящих, серьезных критиков в области. Одной из них является отличная статья В. Вихрова «Партийная тема» (о романах П. Павленко и И. Козлова).

Крымские литераторы — и широко известные, и только еще входящие в большую литературу—стремятся быть в авангарде борьбы за процветание хозяйства и культуры Крыма. Задача литературной критики в областной газете состоит сейчас в том, чтобы, решительно перестроившись, превратиться из равнодушного оценщика в настоящего помощника и друга. Нет! Мы совсем не хотим, чтобы на страницах газеты появилась теперь третья статья, в которой будут поспешно раздаваться венки и лавры литературной молодежи Крыма. Но и крымские литераторы и читатели ждут статей, в которых будут заботливо подмечаться все ростки нового в областной литературе. Литературная критика должна завоевать в Крыму такое же уважение, какое завоевала литература!

За тесную связь сельской школы с жизнью

Высоковская МТС, в которой я работаю, обслуживает 74 артели из 81, имеющихся в районе. Большую помощь оказывает она колхозам. Все наиболее трудоемкие работы берет на себя станция.

Нет у нас такого колхоза, который не стремился бы приобрести автомашину — и не одну, а несколько. Понятно, что через несколько лет автомобилей в колхозах будет намного больше, чем было до войны.

Прежде сельских электростанций в нашем районе и в помине не было. За последние же три года у нас построено свыше тридцати электростанций. К концу пятилетки в Высоковском районе не будет ни одного неэлектрифицированного села.

Благодаря огромной помощи советского государства и социалистической промышленности к концу текущей пятилетки электроэнергией будет обеспечено свыше 56 тысяч колхозов, все МТС и совхозы.

Все ширится поток могучей сталинской техники, идущей в деревню. За послевоенную пятилетку сельское хозяйство получит 720 тысяч новых тракторов, десятки тысяч комбайнов и сотни тысяч грузовых и легковых автомобилей.

Для того, чтобы использовать как следует эту богатейшую технику, нужно систематически повышать техническую грамотность крестьянской молодежи.

В самом деле, что происходит в нашей, например, МТС? Ежегодно мы обучаем у себя до пятидесяти трактористов. Учеба продолжается каких-нибудь три-четыре месяца. Как правило, молодежь приходит на курсы, имея слабое представление о тракторе, автомашине, моторе. И неудивительно, что именно у новичков, у которых знаний, приобретенных на краткосрочных курсах, не так уж много, а опыта и вовсе нет, наиболее часты простои машин, а нередко и аварии. Во многих наших колхозах электростанции пущены, но энергия используется не для развития производства, а только для осветительных целей. За примером итти недалеко. В колхозе Тихомирово пустили недавно электростанцию. Но что толку! Дома, правда, осветили, а в производстве применить энергию не могут. Нет квалифицированного электротехника.

Пришло время, кажется мне, включить в программу средних школ изучение автомобиля, трактора и электротехники. А пока что до решения этого вопроса настоятельно необходимо организовать при сельских школах — семилетках и десятилетках — автотракторные и электротехнические кружки. Ученики старших классов охотно будут в них заниматься. Поговорите с любым сельским школьником, и вы убедитесь, насколько велико стремление молодежи к овладению техникой. Не сомневаюсь, что Министерство сельского хозяйства и Министерство просвещения пойдут навстречу этому стремлению и помогут разработать программу для кружков.

Кого привлекать в качестве преподавателей? Прежде всего механиков МТС. На нашей станции, сравнительно небольшой, их пять. Могут преподавать и бригадиры тракторных бригад. А их у нас одиннадцать.

В электротехнические кружки надо привлечь преподавателей физики, инженеров местных промышленных предприятий. Кроме того, в МТС работают механики-электрики, обладающие специальными знаниями в области электротехники.

Массовая организация кружков потребует выпуска в крупных тиражах различных технических плакатов, макетов, а также популярных руководств. С этим, думаю, могут справиться Сельхозгиз, издательство Министерства сельского хозяйства.

Но для успешного обучения нужны не только плакаты, макеты и книги. Работе на машине надо обучать, главным образом, практически. Как воспользоваться для этой цели трактором? Мне кажется, решить этот вопрос не столь уж сложно. Примерно в марте тракторы, вышедшие уже из ремонта, направляются в колхозы, где они будут весной работать. Вот тогда-то и можно проводить на них практическое обучение участников кружков. Нетрудно выбрать время и для обучения молодежи работе на автомашинах, принадлежащих колхозам и МТС. Кроме того, во время летних каникул члены кружков могут с успехом работать в тракторных бригадах.

Хорошо было бы учредить специальные значки: «Юный тракторист», «Юный шофер», «Юный электромонтер». Такие значки должны присваиваться юношам и девушкам, получившим в кружках установленный минимум знаний.

Владимир Ильич Ленин в 1920 году на III Всероссийском с'езде РКСМ говорил: «Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество; надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение».

Овладение автотракторным делом и электротехникой широкими массами крестьянской молодежи — важная задача. Я обращаюсь к министру просвещения тов. Вознесенскому А. А. и министру сельского хозяйства тов. Бенедиктову И. А., к ЦК и МК ВЛКСМ с просьбой помочь в этом деле учащимся сельских школ.

Герой Социалистического Труда,
бригадир тракторной бригады
Анастасия ТИХОМИРОВА.

ВЫСОКОВСКАЯ МТС.
Московской области.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Д. ДАНИН

1.

«Разве частный человек не принимает иногда участия в исторических событиях?» — спрашивал в свое время Белинский. И отвечал: да, принимает! Но словом «иногда» подчеркивал исключительность такого явления. А сегодня странным анахронизмом прозвучал бы для нас подобный вопрос.

У нас преодолевается ограниченность и замкнутость традиционного представления о «частной жизни» и «частном человеке». Этот жизненный процесс, широко отражаемый всей советской литературой, не только составляет внутреннюю тему едва ли не всех лучших рассказов последнего времени, но, пожалуй, и более, чем что-либо другое, влияет на самый характер нашей современной новеллы. В рассказ пришел новый герой—человек, не разлучимый со своим делом: творческим трудом во имя коммунистического переустройства жизни. Для того чтобы рассказать об этом человеке, раскрыть его внутренний мир, мало обладать проницательностью, основанной на некогда приобретенном жизненном опыте. Недостаточно знать многократно подтвержденные и испытанные литературой «общечеловеческие» законы психологии труженика, законы лирических переживаний, нормы человеческого общежития... Нужно непрерывно обновляемое знание жизни, конкретного труда и конкретных исканий человека, для которого труд есть уже не печальная необходимость, а самое существо его заветной «частной» жизни. Вне такого обновляемого знания жизни не может быть создано ничего, кроме того, что уже было-перебыло и в жизни, и в литературе.

Молодой талантливый писатель Владимир Фоменко недавно рассказал, как страшно далеки бывают традиционные представления от живой действительности.

Он приехал на колхозную пасеку. Что ожидал он увидеть? Это легко вообразить. «...Все было так мирно и покойно, что глаза невольно искали сгорбленного, беззубого деда в валенках, в летней соломенной шляпе. Вот он уже полчаса раздумчиво почесывает седую грудь старой рукой; пчела ползет по морщинам руки, а дед все глядит в рассветное поле и душой понимает и утро, и цветок, раскрывший лепестки навстречу утру, и пчелу, летящую на этот цветок...» И вот появился пасечник — не литературный, а живой! Традиционного «сермяжного» деда не было и в помине. Перед автором стоял «стройный, как веточка, паренек в кубанке, лихо сдвинутой на правую бровь», бывший гвардии старшина. Но это было только первым, внешним нарушением традиции. А главное ожидало писателя впереди.

С каждым новым словом молодого пасечника-старшины все шире и глубже открывалась страстно ищущая, неугомонная натура человека, который понял свое право «природу по-новому строить» и ощутил в себе силы противопоставить «природному закону» — «свой закон»... Рассердившись на приезжего человека, посмевшего заподозрить, будто он, «такой молодой», «отписался на пасеку», старшина, горячась и негодуя, отводил душу в захватывающем рассказе о своих нововведениях, о небывалом доселе понимании работы пчел, о возможностях глубокого вмешательства человека в деятельность пчелиных семей, о своих поисках, своей неудовлетворенности и надеждах открыть то, что еще не известно человеку: «Скажите, ведь нельзя, чтоб это было без причины: просто хорошая пчела — и все? Ведь нельзя же? Нет, вы скажите: нам же морды надо побить, если мы не раскусим, отчего эта семья так работает. и если всех такими не сделаем... Ничего мы еще не знаем. Лазим в природе, как слепые кошата. Ладно, посмотрим!» И в этом кратком, злом и обнадеживающем — «ладно, посмотрим!»— целая программа жизни молодого пасечника, удивившего заезжего любознательного человека своей нетрадиционной повадкой, смелостью мысли и государственной широтой взглядов на избранное им дело.

2.

Рассказ В. Фоменко «Пасечник» (журнал «Огонек». № 10, 1948 г.) из числа тех, о которых принято говорить, что «в них, в сущности, ничего не происходит». В нем, действительно, нет ни внешне развивающегося действия, ни увлекательного события, нет «ни начал, ни концов». И все-таки это—рассказ, потому что в полновесном и внутренне законченном художественном образе писатель отобразил цельное, ясное в своем строении жизненное явление, ничего не растеряв из полноты его своеобразия.

В русской реалистической литературе рассказы такого рода давно завоевали себе законное место рядом с рассказами, в которых основной интерес сосредоточен на событии, на остром развитии действия. А сегодня жизнь, исполненная многообразнейших проявлений новизны, придает рассказам этого рода новый характер, так же как и «событийным» рассказам.

В рассказе Фоменко сам человек—событие. И его внутренний мир увлекательнее любого приключения, потому что этот человек противопоставил свою стремительную силу косной неподвижной традиции. В борьбе с нею — «сюжет» всей его жизни. Это и сюжет рассказа.

Но такой сюжет, как правило, и не может быть замкнутым, у него, в самом деле, нет «ни начал, ни концов»: он — живая струя в широком и вольном, непрерывном потоке общественного бытия советского человека. Дать нам понять и почувствовать именно это сумел Владимир Фоменко. Когда талантливый художник безошибочно заключает в рамку безграничный пейзаж, он вовсе не хочет уверить нас, что тут — на обрезе его полотна — и кончается красота природы. Он только концентрирует ее на своем ограниченном прямоугольнике.

В сущности, «ничего не происходит» и в рассказе П. Павленко «Идут дожди» (журнал «Огонек» № 29, 1947 г.), и в рассказе В. Матова «Мотька» (журнал «Знамя» № 12, 1947 г.) и в других хороших рассказах, гораздо чаще появляющихся у нас, чем это принято почему-то думать. «Бессобытийность» этих рассказов—мнимая. «Бессюжетность» большинства из них—воображаемая. Просто традиционное представление о событии, как изолированном «случае из жизни», и представление о замкнутом в себе сюжете новеллы изменяются в нашем искусстве рассказа и вовсе не являются нормой, И потому нарушение этой «нормы» вовсе не приводит к тому, что рассказ превращается в очерковую зарисовку или бесформенный набросок. О новом характере сюжета, раскрывающем движение нового в жизни, а не о «сюжетности» или «бессюжетности» рассказа должна итти речь.

В рассказе Н. Емельяновой «Родники» (журнал «Огонек» № 5, 1948 г.) девочка говорит о звуках скрипки, доносящихся из комнаты отца: «у них есть свой особенный, невидимый рисунок, и я его слышу!» Вот так—особенный, казалось бы, с трудом уследимый рисунок нового в душе старого пастуха Ивана Ивановича Жигалова «услышал» В. Матов, и он передал нам мелодию, звучащую в этом простом, самоотверженном человеке, влюбленном в свое дело, не знающем различия между «своим интересом» и интересами всего нашего общества. Особенный, удивительный рисунок нового в душе неистового человека, печника-художника, крымчанина Орлова «подслушал» П. Павленко в неожиданном ночном разговоре с ним. И мы увидели «общественника по натуре», не равнодушного человека, страстно увлеченного своей ролью в жизни. Он, «активист с отдаленного избирательного участка», забрел в дом к автору непогожей зимней ночью, когда «останавливались даже грузовики, а кони не могли сделать и шага». Проклиная «чортовы горы», дожди и норд-осты, от которых «сказились», задымили печи, сложенные им на агитпунктах, «широкими кругами обходя тему своего повествования», с неподражаемым лукавством, напускной злостью и искренней горячностью рассказав сначала тысячи будто бы не идущих к делу вещей о печном мастерстве, о природе, о людских нравах, Орлов поведал, наконец, причину своего рискованного ночного путешествия через горный перевал в долину. И эта причина оказалась не внешней, не чьим-то распоряжением или приказом. Она оказалась заключенной в нем самом, в новых чертах психологии этого уже седого человека, в его прекрасном «честолюбии» общественника, дорожащего, как драгоценнейшим приобретением, своим авторитетом среди людей. Скоро выборы. Сегодня — опытная отправка сведений в область. Посланные конный нарочный и грузовая машина не смогли добраться до цели. Орлов, «хотя ему ничего не было поручено», решил сам отправиться «пешью». И дошел. Теперь торопился в обратный путь, на участок, отказывался от тепла и покоя, тревожимый одной мыслью: «Они же, охламоны, подговорят еще какого мальчонку: иди, мол, обгони дядьку Орлова. Что ты думаешь! Загублят кого ни попало...» Он лукаво придумал этих бессердечных «охламонов», чтобы «оправдаться» перед сторонним человеком в своей юной не по годам порывистости, в своем «безрассудстве». А на самом деле он снова уходил в сумасшедшую непогоду, «ведомый страстным желанием возвысить себя в глазах тех, кто разуверился в нем благодаря проклятым печкам, и был рад, горд, доволен...»

Мы расстаемся с героем П. Павленко в тот момент, когда, по традиции замкнутого сюжета новеллы, должна была бы только начаться вторая половина рассказа — злоключения Орлова на опасном пути домой и внешнее «сведение концов с концами». Но здесь, как и в рассказе В. Фоменко, сам герой — событие. Его жизнь — это его дело, творчество, его общественное бытие. И «сюжет» этой жизни поэтому непрерывен, в нем нет пустот между эпизодами. Писатель останавливается там, где он закончил лепку образа своего деятельного героя, и не ищет «окончательного конца» для сюжета.

3.

Вторжение нового жизненного материала в искусство и новое идейное переосмысливание старого всегда так или иначе меняют характер самого искусства. Это происходит и с нашей новеллой. Любовь, природа, дружба, самоотвержение, мысли о жизни и смерти, горе и счастье, радости и печали — все эти темы, явления, мотивы веками связывались с ограниченно и замкнуто понимаемой «частной жизнью» человека. Этим жил рассказ. Но труд человека, его дело, за редчайшими исключениями, оставались по ту сторону представлений о прекрасном в жизни. Труд был обузой и проклятьем, — к нему не апеллировали в поисках ответов на «вечные» и «временные» вопросы жизни.

Вспомним, как почти шестьдесят лет назад в чеховском рассказе «Огни» шел спор о смысле и цели человеческого существования. Столичный студент высказывал с ленивым равнодушием скучнейшие пессимистические мысли о бренности и ничтожности бытия. Ему возражал инженер, человек в летах, многое переживший на своем веку. С печальным воодушевлением он рассказывал драматическую историю одной любви в подтверждение своей идеи об опустошающем влиянии пессимизма на людские души. Но он и сам был уверен в бесцельности жизни, он только требовал, чтобы пессимизм не становился оправданием наплевательского отношения к другим людям. Однако замечателен не сам этот спор, а то, что чеховские герои вели его мирной августовской ночью в южных степях России, в бараке возле величественной насыпи строящейся железной дороги. Днем инженер и студент были участниками дела, менявшего самое лицо края. А ночью они, каждый по-своему, один — пошло, другой — поэтично, твердили о бесцельности и тщете своего существования. «Мы утомили вас своей болтовней!»—говорил инженер третьему собеседнику, автору рассказа. «Ну, да что ж, батенька! Только и удовольствия в этой скучище, что вот вина выпьешь, да пофилософствуешь...» А по степи, вдоль трассы строительства, уходили огни, обозначавшие в ночи след гигантского и тяжкого человеческого труда. Но ни этот труд, ни результаты его, ни роль, которую в их достижении играли студент и инженер, словом, ничто, относящееся к непосредственному, дневному делу этих людей, не участвовало в их мыслях, в их попытках разобраться в целях и смысле человеческого существования.

Когда сегодня читаешь чеховские «Огни», именно это и поражает больше всего. «Казалось, какая-то важная тайна была зарыта под насыпью...» — говорит Чехов. Он смутно ощущал, что есть нечто чудовищно противоречивое и ни с чем не сообразное в том, что эти люди труда не видят смысла в своей жизни. Чехов не открыл «тайны насыпи». Сопоставив все увиденное и услышанное, он сказал: «Ничего не разберешь на этом свете!»

И вот все изменилось в жизни. Припоминая чеховские «Огни», ясно сознаешь, что наши новеллисты создают искусство рассказа, новаторское в самом своем существе. И это дело трудное.

Они постоянно ощущают тесноту малой строительной площадки, на которой доводится им возводить здание цельного художественного образа действительности. Простыми законами их тонкого искусства им задана ограниченность и замкнутость формы, которые нужно преодолеть изнутри, чтобы суметь — повторим это — сконцентрировать в рассказе широкий и вольный поток общественного бытия нового человека. А ведь на меньшее содержание не согласится ни читатель, ни сам писатель, если только он стремится быть не механическим информатором о «происшествиях из жизни», не хроникером, а подлинным художником-реалистом. И тут нельзя хитрить, нельзя сказать себе: «Ну, что ж, раз строительная площадка мала, я и построю на ней карточный домик...»

С таким заблуждением мы еще нередко сталкиваемся в литературе. Так построил карточный домик К. Паустовский в рассказе «Чужая рукопись» (журнал «Огонек» № 1, 1948 г.).

«Чаще всего я думал о том, что нельзя уйти без следа из этого хорошего мира»,— размышляет начальник пристани, пожилой моряк, герой «Чужой рукописи». «Но как оставить след, если я человек, не одаренный никакими талантами, кроме отчаянного пристрастия к жизни?»—задает он самому себе нешуточный вопрос. И вот обнаруживается, что он нашел выход из затруднения: он решил написать рассказ о своих «мыслях, замыслах и наблюдениях». Рассказ моряка вместе с рассказом К. Паустовского, в сущности, всего лишь сентиментальная, псевдоромантическая выдумка с немножко таинственным маяком на морском берегу, с «прекрасной незнакомкой» и «одной-единственной слезой», скатившейся из ее глаз на «черный бархат платья», с «чудесной девочкой», удочеренной холостым благородным служителем маяка, с литературными реминисценциями, с всеобщей праздностью и банальнейшими «мыслями» о старости и юности, любви и счастье, искусстве и природе и т. д., и т. п. По стариннейшему рецепту написана «Чужая рукопись», и все ее герои — мертвые лица. В ней нет и тени реальной жизни. И то, что старый моряк ищет смысл жизни и дорогу «в бессмертье» вне своего «дневного дела», то, что он пытается оставить след в «этом хорошем мире» по старомодным правилам одиноких «загадочных» натур, — все это отбрасывает нас в давние времена и жизни и истории новеллы.

Так эта неудача опытного и талантливого писателя своеобразно приводит к тому же утверждению, которое позволяют сделать достижения нашего сегодняшнего искусства рассказа: новый герой новеллы—советский человек-новатор, не разлучимый с его делом,—требует от писателя, чтобы он сам был новатором, чтобы он непрерывно обновлял свое знание жизни и души современного человека.

Читатели о книгах

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЛАВРЫ И ЛАВРОВЫЕ ВЕТКИ

Вдруг к витрине, к зеленым на ней овощам,
Откуда-то неожиданно, по-птичьи
Прилетел на раскрыленных полах плаща
Заведующий — маленький, симпатичный,
Он, разумеется, встретил Весну с восторгом,
Руку ее по-товарищески пожал,
И так как время торговое дорого,
Вежливо поторопился: «Пожалуйте».

Прочитав эти, с позволения сказать, вирши, редакция журнала «Работница» вежливо поторопилась и предоставила автору их — Анне Земной—страницы пятого номера журнала за 1948 год. Естественно, что от неожиданности и радости автор пришел «в радостный азарт» (состояние загадочное, известное только ему одному), и из-под его пера вылились следующие строки:

В гнезда касс влетали и заверещали (?)
Серебряным щебетом монеты,
Весна отвесила первый салат и щавель,
Редиску и листья лавровых веток.

Первые строки этой строфы заставляют усомниться не только в поэтических способностях автора, но также и в знании элементарных правил грамматики. Что же касается последних строк, да и всего стихотворения в целом, то хочется напомнить журналу «Работница», что поэтические лавры и лавровые ветки отнюдь не одно и то же.

Ю. ДОЛГОПЯТОВ,
студент Полиграфического института

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

В журнале «Октябрь» № 6 за 1948 год помещено стихотворение Д. Семеновского «Под южным солнцем». Когда я прочитал его, мне в голову пришла совершенно необычная, дерзкая мысль: что сделал бы я, рядовой советский читатель, не имеющий специального литературного образования, если бы по какому-то неведомому и несбыточному стечению случайностей меня назначили редактором отдела поэзии журнала «Октябрь» и ко мне попало бы произведение «Под южным солнцем»?

Во-первых, я попросил бы автора переделать двенадцатую строфу:

А небо все чаще цветет синевой
Над ширью безлесной равнины,
И слух наш обласкан певучей мовой,
Приятной мовой Украины...

напомнив ему, что украинское слово «мова» имеет ударение на первом слоге, а не на втором.

Затем я спросил бы у автора, к какому времени года относится его произведение. Судя по некоторым приметам, дело происходит осенью:

Глаза веселят урожая дары:
У рельс золотыми холмами
Пшеница лежит, кукурузы бугры
Насыпаны вровень с домами.

И даже ранней осенью, ибо вряд ли глубокой осенью взор автора веселило бы столь бесхозяйственное хранение зерна и кукурузы.

Наконец, в первой строфе сказано:

Осеннюю изморозь, вестницу вьюг,
Мы сзади оставили где-то,
А поезд несет нас все дальше на юг,
Туда, где и осенью—лето.

Но несмотря на все эти приметы, несмотря на то, что путешественники оставили сзади «осеннюю изморозь», ехали несколько суток на юг, «туда, где и осенью — лето», оказывается:

В то утро неласково встретил нас Крым:
Снежком да морозом колючим.
Трубя, наш автобус бежит по седым
И звонким от холода кручам.

Вот так сюрприз! Есть от чего помрачнеть отпускнику, прибывшему в «полуденный сад виноградный» и не захватившему с собой меховой шубы. Поневоле вспомнишь детскую шуточную песенку: «Рано утром, вечерком, ночью, на рассвете».

Много, т. Семеновский, и других несообразностей в вашем стихотворении. Вы сообщаете, что на обелиске кто-то нанизал «строку на строку». Если «нанизать» строку на строку, то вряд ли можно будет что-либо разобрать в этой надписи. Пожалуй, лучше было бы сказать: «строку за строкой».

Сомневаюсь, можно ли писать, обращаясь к погибшим:

Все памятью вашей овеяно тут...

а не «памятью о вас»?

Много у вас избитых штампов: «гремела стрельба», «прокатилась война», «где пули свистали» и т. д.

Вот что я сделал бы, будь я... редактором. Чего бы я не сделал? Уважая читателя, я бы не поместил этого скучного, вялого стихотворения на страницах (тем более целых пяти страницах) журнала.

Капитан Ц. МЕЛАМЕД.

Памяти Хачатура Абовяна

Торжественное заседание в Колонном зале Дома союзов

16 сентября в Колонном зале Дома союзов собрались представители общественности столицы, чтобы отметить 100-летнюю годовщину со дня смерти великого армянского писателя Хачатура Абовяна.

В президиуме торжественного заседания — деятели литературы, науки, представители общественных организаций, Герои Советского Союза, члены правительства Армянской ССР.

Заседание открыл писатель Борис Горбатов.

— Прошло сто лет со дня смерти Хачатура Абовяна, — сказал тов. Горбатов. — Но он живет и сегодня в памяти народов многонационального Советского Союза. Живет и расцветает под живительным солнцем сталинской эпохи великая дружба русского и армянского народов, о которой так мечтал Хачатур Абовян.

С докладом о жизни и творчестве Хачатура Абовяна — основоположника новой армянской литературы выступил профессор Г. Абов. Докладчик говорил о писателе, как о выдающемся прогрессивном деятеле своего времени, борце за свободу трудового народа, великом гуманисте и просветителе.

Проф. В. Кирпотин в своем выступлении остановился на роли Хачатура Абовяна, как реформатора армянского языка.

— Древнеармянский литературный язык — грабар — был непонятен народу, он был крайне сложен и труден. Абовян—первый армянский писатель, книги которого были написаны на языке народа. В этом — его огромная заслуга.

Поэт Геворк Эмин выступил с новым произведением, посвященным памяти Хачатура Абовяна. Он прочитал свое стихотворение «Бессмертие».

По окончании торжественного заседания состоялся большой концерт, в котором приняли участие артисты Москвы и Армении. Были исполнены отрывки из произведений Хачатура Абовяна, армянских композиторов-классиков, народные песни и танцы.

А. НИКОЛЬСКАЯ

Без любви и вдохновения

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ «ЗВЕЗДА»

Недавно редакция «Литературной газеты» получила письмо от своего читателя. Московский учитель Ф. Шевяков с недоумением пишет об одной из рецензий, напечатанных в нынешнем году в журнале «Звезда».

«Я прочитал, — говорит т. Шевяков,— рецензию И. Березарка на роман Ю. Либединского «Горы и люди». Рецензент излагает содержание нового романа Ю. Либединского и дает свое заключение об этом произведении: «Либединский написал романтическую книгу, повествующую о судьбах горского народа. Судьбы этого вымышленного народа характерны для исторического развития народов Кавказа. В романе немало ярко написанных глав, интересных сцен, выразительных образов. Местами неровный, этот роман свидетельствует о новых интересных возможностях Ю. Либединского». В этих строках дана оценка нового романа Ю. Либединского. Читателю остается только поразмыслить, какие новые интересные возможности раскрыты Ю. Либединским в этом неровно написанном романе».

Свое письмо в редакцию т. Шевяков озаглавил: «О ничего не говорящих рецензиях». Название очень точное. К сожалению, оно относится не к одной только статье И. Березарка, опубликованной в журнале «Звезда», но и ко всему отделу критики и библиографии этого журнала в 1948 году.

После известного постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» критический отдел в журнале стал боевым, целеустремленным. Его статьи были проникнуты подлинной партийностью, в них был темперамент, борьба. Не случайно из статей, опубликованных в «Звезде», составлен специальный сборник — «Против безидейности в литературе». Это название не механически об'единило отдельные статьи, оно было стержнем, основной мыслью книги, основным содержанием критического отдела «Звезды».

Но уже к концу прошлого года качество статей в журнале заметно снизилось.

Журнал ни с кем не борется, не видит идейных противников, не наступает, не отстаивает, не защищает. «Звезда» не напечатала ни одной статьи, разоблачающей декаданс и маразм буржуазной литературы. Правда, в одной статье ведется полемика с западным искусством. Но какой пародийный характер она носит! Д. Золотницкий излагает содержание рассказов С. Антонова и перемежает свое изложение восклицаниями, которые, по мнению автора и редакции, должны разоблачать упадок буржуазной литературы.

«Встреча на пути к счастью полна драматизма. Как непохожа она на всевозможные случайные встречи героев западной новеллистики».

Или:

«В условиях американской фермы действия «Весны» выглядели бы бессмысленной натяжкой, потому что в этом случае вся художественная конструкция рассказа исказилась бы до неузнаваемости».

Бессмысленными натяжками выглядят все эти никому не нужные, примитивные параллели.

«Звезда» не опубликовала ни одной статьи, бичующей формализм, аполитичность, низкопоклонство перед буржуазной культурой. Даже в тех случаях, когда читатель по самому изложению содержания, по цитатам чувствует ошибочность, иногда порочность книги, о которой идет речь, автор статьи деликатно стремится избежать точной политической характеристики. И. Березарк, например, рецензирует сборник «Русские классики и театр». Он излагает содержание статьи Б. Томашевского «Стих «Горе от ума». Оказывается, « Б. Томашевский считает, что «вольный ямб Грибоедова опирается на французские комедийные традиции».

Из пересказа И. Березарка можно понять, что он не согласен с Б. Томашевским. Однако ни гнева, ни возмущения вредные рассуждения Б. Томашевского у него не вызвали. Критик допускает существование и такой «концепции», как одной из разнообразных точек зрения по спорному вопросу.

Подобный характер носит и рецензия И. Сермана на «Историко-литературный сборник». Наша критика отмечала, что в ряде статей сборника проявились пороки буржуазно-либерального литературоведения, в них не было социально-исторического анализа творчества писателей, литература прошлого века отрывалась от народно-освободительного движения. Однако главное возражение И. Сермана вызывает отсутствие предисловия к сборнику. Полемизируя по отдельным положениям статей, критик мимоходом замечает, что в сборнике сказалось «пренебрежение к философскому богатству марксистско-ленинской науки». Однако это не вызывает никакой тревоги у автора, так как все ошибки сборника он, как и И. Березарк, умиротворенно об'ясняет «общими недостатками и слабостями нашего литературоведения».

Лучшая статья отдела — статья Б. Костелянца «Духовный облик героя». Эта талантливая статья посвящена различным направлениям нашей послевоенной литературы. В ней идет живой, конкретный разговор о герое наших книг, об индивидуальной манере писателя, разговор этот будит мысль, вызывает горячий интерес. Выделяется также статья П. Громова «Общественная ценность героя», посвященная «Спутникам» и «Кружилихе» В. Пановой. Первая половина статьи дает тонкий и интересный разбор «Спутников». Однако возражение вызывает трактовка принципа партийности нашей литературы. В сущности, партийность литературы автор сводит только к изображению образа большевика.

Но эти, способные заинтересовать читателя, статьи выглядят в «Звезде» случайными и одинокими.

Статья И. Березарка «Драматический герой и драматический конфликт» привлекает своим заглавием. Но, увы, дальше заглавия дело не идет. Удивительной схоластичностью отличается эта статья, она никак не связана ни с драматургией, ни с жизнью. Автор не видит никакой разницы между конфликтом и темой, а суждения его о нашем искусстве могут вызвать только удивление. Так, И. Березарк об'являет, что конфликт нашей классической драматургии «был тесно связан с миром частной собственности» и строился «исключительно на личных отношениях». Лишив общественного значения старую драматургию, И. Березарк в отношении современной драмы выдвигает иное, в довольно наивной форме выраженное обвинение: он считает, что «напрасно драматурги показывают своих героев исключительно в их хозяйственной деятельности». Личная тема, любовные конфликты, по мнению критика, должны быть выдвинуты на первый план в пьесах, это спасет их от «одноличейной направленности», как он говорит. Нелепо и вредно это стремление лишить советскую драматургию ее социального содержания.

Позитивная программа И. Березарка излагается следующим образом: «В пьесе должно чувствоваться живое дыхание жизни, здесь должны быть раскрыты яркие характеры, и, вместе с тем, пьеса должна быть захватывающей, увлекательной» и т. д.

От рецензии к рецензии, вяло, однообразно и без живого интереса к судьбам литературы, общими стертыми фразами излагают критики журнала содержание различных случайных книг.

Белинский писал когда-то:

«...критика бывает двух родов: уклончивая и прямая... Признаемся, мы не можем победить нашего отвращения к уклончивой критике, как и ко всему уклончивому».

Уклончивая критика стала излюбленным жанром журнала «Звезда». Раиса Мессер пишет о сборнике «Стихи военного корреспондента» А. Гитовича. С одной стороны, по мнению критика, это «отличный стихотворный сборник», стихи А. Гитовича «правильны» по общему своему направлению. Они правдивы в своих военно-бытовых деталях, всегда воспевают мужество советского солдата любого рода оружия». С другой стороны, этот сборник характерен «для первого, давно уже пройденного этапа советской поэзии о войне». Стихи в нем «чрезвычайно однотонны» и благодаря «нивелировке (?), сведению темы защиты советской родины к сумме общих понятий стихи превращаются в собрание девизов и готовых формул». В конце рецензии дается заключение: «Стихи военного корреспондента» — некий итог военного опыта поэта, и, следовательно, в этом качестве сборник заслуживает внимания».

Пусть читатель попробует разобраться во всем этом! По такой же приблизительно схеме строится и другая статья Р. Мессер — о стихах А. Решетова. Сначала следуют комплименты, выраженные высокопарно и торжественно, а после этого идут различные оговорки. Право, кажется, что ничто не мило Р. Мессер ни в стихах Решетова, ни в стихах Гитовича. Так почему же не сказать об этом прямо?

Такой же характер носят рецензии И. Колтунова на стихи А. Чепурова, А. Амстердама на повести А. Розена и многие другие.

Как правило, статьи «Звезды» вырывают писателя из конкретной литературной действительности, говорят о нем так, как будто, кроме него, в литературе вообще никого не существует.

Авторы статей критического отдела обычно хвалят то, о чем пишут, но хвалят так тускло, уныло, без любви и страсти, что, попросту говоря, убивают живую художественную ткань вещи. Вот как пишет И. Эвентов о замечательном очерке Б. Галина: «Повесть «В одном населенном пункте» отличается умением выразить идею в обобщенных образах, в элементах сюжетного рассказа». Или: «Наряду с диалогами, эпизодами, сценами, наряду с записью колоритных бытовых наблюдений мы встречаем публицистические заметки, лирические монологи автора, его суждения по различным вопросам». Живым упреком в этой массе однообразных сухих определений выглядят цитаты из очерков Галина, особенно одна из них: «Ближе к жизни и чуточку больше поэзии».

Унылая бесстрастность отличает статью И. Эвентова «Вторжение в жизнь». Об очерке он ухитрился написать так сухо и академично, что, право же, временами кажется, будто он исследует древнерусское «Сказание о Борисе и Глебе», а не наиболее боевой жанр нашей литературы.

Бездумность в ведении критического отдела сказалась и на той странной дискуссии, которую провел недавно журнал. Сначала в «Трибуне писателя» была опубликована статья В. Лифшица о записках О. Джигурды «Теплоход «Кахетия». Рецензия неверно и откровенно недоброжелательно расценивала произведение. В ней не было выдвинуто никаких общих проблем, которые необходимо было подвергнуть обсуждению для выяснения истины. Дискуссия по ней не могла не носить искусственного, натянутого характера. Напечатав еще две статьи—ошибочную П. Вершигоры, о которой «Литературная газета» уже высказала свое мнение (№ 61), и вялую и невыразительную рецензию О. Немеровской, редакция неожиданно присоединилась к ним обеим, не потрудившись даже сформулировать свое отношение в редакционной статье. Так бесславно закончилась эта никому не нужная дискуссия. В ней особенно наглядно сказалась незаинтересованность критического отдела «Звезды» в судьбах нашего искусства.

Унылый и апатичный отдел критики и библиографии «Звезды» оторван от жизни и от литературы. Находясь в прошлом году в первых рядах борцов за высокую идейность нашего искусства, журнал «Звезда» в нынешнем году ведет, в сущности, свой критический отдел беспартийно, аполитично.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ „ЦИВИЛИЗОВАННЫХ“ ЛЮДОЕДОВ

К 30-летию со дня расстрела агентами английского империализма 26 бакинских комиссаров

Л. ШАУМЯН

Оккупация Баку и Средней Азии являлась важнейшей составной частью единого плана окружения и разгрома молодой Советской Республики в 1918 году. Особо сложная и напряженная борьба развернулась вокруг города Баку, который всегда был и остается предметом мечтаний империалистов всех мастей.

Английский генерал Денстервил, который подбирался к Баку через Мессопотамию и Персию, ставил своей целью «закрытие доступа врагу к запасам нефти и закрытие дверей в Центральную Азию». «Значение Баку было огромным,—признавался впоследствии Денстервил,—и любой риск попытки овладеть им оправдывался безусловно».

Военное положение Баку все более и более осложнялось. Германо-турецкие хищники, опираясь на грузинских меньшевиков и азербайджанских националистов — мусаватистов, с запада вплотную подошли к городу. Английский генерал Денстервил из Персии руководил антисоветской деятельностью бакинских эсеров, меньшевиков и армянских националистов—дашнаков и готовился к захвату Баку.

От Советской России город был отрезан северо-кавказской белогвардейской армией и бандами дагестанского имама Гоцинского.

Советская Россия делала все возможное, чтобы помочь бакинцам войсками, оружием, боеприпасами, снаряжением и продовольствием. Но в невероятно трудных условиях 1918 года на таком далеком расстоянии всей необходимой помощи Советская Россия оказать не успела.

Между тем, трудности возрастали. Англичанам удалось организовать бело-казачий мятеж в Астрахани — единственном пункте, через который бакинцы осуществляли связь с Советской Россией. Мятеж был быстро подавлен, но он произошел в самый критический для Баку момент, отвлек силы Красной Армии и затруднил переброску советских частей в Баку.

Эсеры, меньшевики, дашнаки из кожи лезли, чтобы сорвать оборону города. Они окончательно дезорганизовали снабжение продовольствием населения и армии. Все они вели агитацию за приглашение «спасителей» англичан.

В самый критический момент дашнаки оголили фронт, сняв с позиций армянские национальные соединения.

Генерал Денстервил сидел неподалеку, в Персии, и выжидал подходящий момент. «Связь с Баку,—откровенно вспоминает он,—у меня была налажена при посредстве почти ежедневных курьеров, и наши друзья—социал-революционеры, казалось, были в состоянии провести в скором времени coup d' état, т. е. свергнуть большевиков, установить новую форму правления в Баку и пригласить англичан».

В этих тяжелых условиях произошло падение Советской власти в Баку. В город вошли англичане, которые были торжественно встречены нефтепромышленниками, торговцами и лидерами всех предательских партий.

Под опекой англичан в Баку организовалось контрреволюционное правительство—«Диктатура Центрокаспия». 16 августа 1918 года военные корабли «диктатуры» задержали в открытом море и вернули в Баку советские пароходы, на которых находились наши войска, пытавшиеся эвакуироваться в Астрахань.

Войска были разоружены, а почти все советские руководители брошены в тюрьму.

Однако «Диктатура Центрокаспия» просуществовала недолго.

В ночь на 14 сентября турки начали решительный штурм города. Англичане и все их лакеи из «диктатуры» в панике бросились на пароходы.

Не успев расправиться с арестованными советскими руководителями, английское командование и «диктатура» решили оставить их в городе. Они не сомневались, что озверевшие турки сами растерзают большевиков. Но находившиеся на воле члены подпольной большевистской организации решили во что бы то ни стало спасти товарищей. Когда турки уже входили в Баку, боевой группе большевиков удалось вырвать товарищей из тюрьмы. С помощью командира партизанского отряда Татевоса Амирова товарищи погрузились на один из последних отходящих от города пароходов «Туркмен».

Но как ни торопились англичане эвакуироваться, они не забыли о бакинских комиссарах. Два английских и несколько дашнакских офицеров не упускали комиссаров из виду и сели вместе с ними на пароход.

После длительных переговоров Татевосу Амирову удалось убедить капитана «Туркмена» взять курс на Астрахань. Однако вскоре англичане и дашнакские офицеры принудили судовой комитет отказаться от намеченного пути и итти на Красноводск.

Вечером 16 сентября «Туркмен» подошел к Красноводску. Утром всех пассажиров выгнали на пристань, оцепленную войсками, предварительно обыскав каждого у трапа. Между цепями прогуливались три английских офицера. Двое из них — прибывшие на «Туркмене», третий—начальник английского гарнизона в гор. Красноводске полковник Баттин. Они ни во что не вмешивались и как бы равнодушно наблюдали, похлопывая стэками по желтым крагам. Но невдалеке на берегу стоял английский бронепоезд, пушки которого были направлены на пристань. За холмом—наготове солдаты расквартированного в Красноводске батальона английского Хемпширского полка. На самой пристани орудовала боевая дружина местной организации эсеров. Наши товарищи решили не группироваться, а рассыпаться по пристани и смешаться с беженцами.

На противоположной стороне пристани стоял пароход «Вятка». У его трапа находилась группа местных эсеровских заправил. Они уже знали, кто находится среди пассажиров «Туркмена». Началась настоящая «охота».

Через час-полтора она закончилась. Беженцев загнали обратно на «Туркмен», а всех арестованных отвели на «Вятку». Английские офицеры подошли ближе. На палубе начался новый, уже более тщательный обыск. Раздевали, рвали одежду, исследуя каждый шов, отбирали все, что казалось подозрительным или нравилось кому-нибудь из обыскивавших.

Все арестованные были доставлены в Красноводскую тюрьму. Три дня провели они в невероятно тяжелых условиях.

* * *

В 1933 году, через пятнадцать лет после расстрела бакинских комиссаров, английский генерал В. Маллесон напечатал в журнале «Фортнайтли ревю» статью под заголовком «Двадцать шесть комиссаров».

В своей статье Маллесон рассказывает, что в середине 1918 года, по приказу из Лондона, он перебрался из Индии в персидский город Мешхед, а оттуда — во главе специальной военной миссии — в Ашхабад. При активной поддержке местных эсеров Маллесон стал полновластным диктатором Закаспия. Позже он сам хвастался, что «несколько британских офицеров фактически управляли в течение восьми месяцев районом величиной в половину Европы, находящимся к востоку от Каспийского моря».

Вот этот-то бравый генерал не столько обрадовался, сколько испугался, узнав, что в красноводскую тюрьму попали бакинские комиссары. «Правда, — признается он,—комиссары были безоружны, в том смысле, что огнестрельное оружие у них было отобрано, но они обладали более страшным орудием — силой агитаторского таланта, благодаря которому массы переходили на их сторону и возникали новые большевистские восстания».

«Рано утром, —повествует Маллесон,—беспроволочный телеграф Красноводска известил нас об их прибытии. Это была новость первостепенной важности. Группа крупнейших агитаторов России внезапно очутилась на нашем берегу, и было очень возможно, что страна с непостоянным, колеблющимся населением снова очутится на стороне большевиков. Что бы случилось тогда с нашими планами? Какова была бы судьба наших войск?»

Далее генерал категорически заявляет: «Ясно, чего бы это ни стоило, надо было воспрепятствовать прибытию этих лиц в Ашхабад, ибо это помешало бы нам во всех отношениях и, несомненно, ускорило бы развязку. Британская миссия не хотела, чтобы комиссары прибыли и остались в Закаспии».

Утром в день ареста комиссаров в английскую миссию явились представители закаспийского правительства. «Они согласились со мной, — пишет Маллесон,—что присутствие этих людей в Закаспии нежелательно...», а также и с тем, что **«большевики безопасны только мертвые»**.

Палаческие функции были возложены на ближайшего помощника генерала Маллесона, капитана английской службы Реджинальда Тиг-Джонса и главу закаспийского правительства эсера Фунтикова.

В Ашхабаде был срочно сформирован поезд из одного классного и одного арестантского вагонов. 19 сентября Тиг-Джонс и Фунтиков прибыли в этом поезде в Красноводск для разработки технического плана расстрела.

Около двух часов ночи в тюремные камеры ворвались палачи и увели 26 товарищей.

20 сентября 1918 года в ашхабадской газете «Голос Средней Азии» были опубликованы зловещие, беспримерные по своей откровенности, строки:

«Судьба нам снова улыбнулась. К нам в руки попали бывшие вершители судеб Баку. Среди нашей добычи находится один из знаменитых героев — Шаумян...

...Отныне будут отвечать головы Шаумяна, Петрова, Джапаридзе, Корганова и др. Мы не остановимся даже перед причинением ужасных мук, до голодной смерти и четвертования включительно».

Эти строки писались в час, когда на глухом перегоне между станциями Перевал и Ахча-Куйма, на 207-й версте, убивали бакинских комиссаров. Газета вышла тогда, когда все было кончено.

В 1919 году в статье «К расстрелу двадцати шести бакинских товарищей агентами английского империализма» товарищ Сталин писал:

«...только империалистические людоеды, насквозь прогнившие и потерявшие всякий моральный облик, могут нуждаться в ночных убийствах и разбойничьих нападениях на безоружных политических работников противоположного лагеря...»

Через несколько месяцев после расстрела рабочий Кузнецов с группой товарищей раскопал могилы убитых. Сообщение товарища Кузнецова — беспощадное уличение людоедов английского империализма.

Вот что писал он: «Надо полагать, что убийство этих товарищей происходило всевозможными средствами. Я заключаю это из того, что головы частью были отделены от туловища, частью находились в ногах, сбоку и т. д. Часть черепов не были целы, были перебиты на части и раздроблены... Их не только рубили, а убийство происходило разными средствами. Били, чем попало...»

Все эти подробности раскрылись позже. Позже раскрылось и то, как Реджинальд Тиг-Джонс инструктировал членов закаспийского эсеровского правительства, как горячо благодарил он их за умелое проведение расстрела двадцати шести.

С точки зрения матерого разведчика Маллесона, Тиг-Джонс поступал «необдуманно», слишком прямо, и в своей статье Маллесон не удержался от упреков по его адресу: «Этот связной офицер в Ашхабаде был пенджабский полицейский по фамилии Тиг-Джонс. Смелый и ревностный работник, свободно из'ясняющийся на русском языке, он имел лишь один недостаток, как дипломат. Вместо того, чтобы удовлетвориться устной передачей своих инструкций, он сопровождал их нередко письменным указанием».

Не в интересах английского командования было признать себя виновниками расстрела двадцати шести. Англичане делали многочисленные попытки замести следы этого кровавого преступления.

Еще не зная всей правды, Советское правительство неоднократно обращалось к английскому командованию с требованием обменять бакинских товарищей и их семьи на пленных англичан. Но англичане упорно отмалчивались до тех пор, пока факт гибели 26 комиссаров не стал всеобщим достоянием.

Сначала англичане распространили версию о том, что бакинские комиссары отправлены в Индию. Тиг-Джонс официально обещал закаспийскому правительству выдать от имени английского командования справку о том, что доставленные в Индию товарищи умерли там от болезней. После настойчивых требований из Москвы англичанам пришлось пустить в ход новую версию.

«5 марта 1919 года, — пишет товарищ Сталин, — Астрахань получила радио из Тифлиса о том, что «Джапаридзе и Шаумяна в распоряжении английского командования не имеется, что они, по местным сведениям, самочинно убиты группой рабочих в сентябре около Кизыл-Арвата». Очевидно, это была первая официальная попытка английских убийц свалить вину за свои зверства на рабочих, безгранично любивших и Шаумяна и Джапаридзе».

Да, это была первая, но не последняя попытка. Англичане до сих пор продолжают настаивать на своей «непричастности» к этому злодеянию.

Но советский народ никогда не простит английским империалистам того, что они вырвали из наших рядов и зверски убили лучших его сынов. В день тридцатой годовщины героической гибели бакинских товарищей советские люди с глубоким волнением и болью вспоминают верных сынов Родины, героически погибших за великое дело революции с возгласом:

«Мы умираем за Коммунизм!

Да здравствует Коммунизм!»

Зверская расправа агентов английского империализма с бакинскими товарищами показала всему человечеству, что «варварство английских империалистов не говорит, а кричит о безнаказанности и диком разгуле английских агентов, расправляющихся с бакинскими и закаспийскими «туземцами», как с чернокожими в Центральной Африке» (Сталин).

С какой новой силой звучат сейчас эти слова товарища Сталина, сказанные им в 1919 году! Как глубоко раскрывают они перед нами явления современности, события наших дней.

Английские и американские империалисты все больше и больше беснуются и злобствуют, не останавливаясь в своих действиях ни перед какими бесчинствами, злодеяниями, преступлениями. Безудержный террор англо-американских захватчиков в Греции, подавление демократических свобод, преследования прогрессивных организаций и демократических деятелей, кровь китайского народа, обреченные на голод и смерть колониальные народы — вот они, дела современных «цивилизованных» варваров.

Подлые убийства лидеров прогрессивного человечества Карла Либкнехта, Розы Люксембург, зверская расправа с бакинскими комиссарами, недавние выстрелы в вождей рабочего класса Тольятти и Токуда, многочисленные террористические акты агентов империализма —все это цепь безуспешных попыток подавить революционное движение народных масс, потушить факел священной борьбы за мир, за демократию, за социализм.

Гангстер—литературный герой

М. МОРОЗОВ

Издательская промышленность США и Англии, занятая, как и все другие отрасли бизнеса, бешеной погоней за прибылью, требует от писателей наиболее ходкого «товара».

Страницы американских и английских литературных журналов сплошь заполнены рецептами изготовления такой продукции. Как заработать деньги пером — вот тема статей и заметок. Маститый писатель рассказывает молодежи, как он впервые получил от издательства «желанный чек». Другой преуспевающий литератор рекомендует не пренебрегать поздравительными стишками: тут тоже можно кое-что урвать... Но что сравнится с великолепием детектива, где описаны убийства, подлоги, взломы и прочие увлекательные штуки. Вот чем стоит заняться в первую очередь! Ведь обе разновидности детектива — «вызывающий дрожь» («thriller») и «вызывающий потрясение» («shocker») — наверняка бьют по нервам читателей и раскупаются нарасхват.

Американский журнал «Харперз мэгэзин» (июль 1948 года) упоминает об одном детективном романе, который несет в себе «все элементы, необходимые для успеха, включая насилие, извращенность, кровосмесительство, убийство и т. д.». Из английского журнала «Райтер» (май 1948 года) мы узнаем, что читатели детективных романов чрезвычайно интересуются тем, «как произошло убийство». Читать об этом становится, по уверениям рецензентов, привычкой, неодолимой потребностью американского обывателя. И поскольку самым ходким «товаром» единодушно признается детектив, услужливая критика предлагает рецепты изготовления этого «доходного» жанра.

Элизабет Дэли, автор четырнадцати душераздирающих романов, посвятила технике детектива статью в американском журнале «Райтер» (июнь 1948 года). Она требует, чтобы детектив был как следует «одет». Наряду с центральным «кровавым пятном» в романе должны быть красивые пейзажи, поэзия лунного света и известная доза психологических характеристик. Очень рекомендуется, в качестве контраста к описываемым событиям, избирать местом действия какие-нибудь тихие убежища, например, «храм науки» — университетский колледж.

«Высоколобый» писатель и критик В. Оден, рассуждая на страницах «Харперз мэгэзин» (май 1948 года) об «эстетике» детективного романа, пишет: «Для меня, как и для многих, чтение детективных романов является неодолимой привычкой, подобной привычке к табаку или алкоголю...»

Статья Одена начинается в традиционной манере американских литературно-критических очерков, т. е. с весьма туманных рассуждений, цель которых — показать высокий интеллект и образованность автора. Оден пишет что-то мало вразумительное о «диалектике невиновности и преступления», но вслед за этим следуют формулы, действительно способные вызвать у неподготовленного читателя «потрясение» и «дрожь». «Убийца — это бунтарь, пред'являющий свое право на всемогущество», уверяет Оден и тут же поясняет, что «убийство — это не что иное, как метод негативного творчества».

Вдумаемся в эти чудовищные формулы. Всем хорошо известно имя убийцы, мечтавшего о «всемогуществе», пролившего потоки человеческой крови и бесславно сошедшего со сцены истории. В наши дни легион его подобий мелькает в образах «героя» современной буржуазной литературы — гангстера. Гангстеризм крепко захватил в свои когти современную Америку, — факт, ярко разоблаченный Айра Уолфертом в его романе «Банда Тэккера». И это не гангстер прежнего времени — здоровенный детина в надвинутой на глаза шляпе, небритый, с огрызком дешевой сигары во рту, проводящий время в притоне за стаканом виски. Нет, это вполне «почтенный» господин не только по наружности, но и по поведению в узких границах своего семейного быта. Но для внешнего мира, в общении с широким кругом людей, для него есть только один закон: в мире «свободной» конкуренции все средства дозволены. Он — хозяин жизни...

Американский писатель Э. Сивер пишет в журнале «Райтерс монсли» о трех рассказах, в которых он стремился выразить свое «творческое я». В одном описано самоубийство, в другом — случай кровосмешения, герой третьего рассказа — убийца, преступление которого остается нераскрытым и который спокойно и счастливо доживает жизнь, так как, по словам автора, «совершенно лишен совести». Третьему рассказу был обеспечен наибольший успех. Тема безнаказанного преступления становится все более модной.

Гангстеризм захватывает все новые области литературы. Его духом проникнуты и рассказы о кровавой охоте среди дикой и пустынной природы, которые в огромном изобилии появляются в США, и фантастические повести о единоборстве с неведомыми и странными чудовищами, и даже всячески обыгранные и искаженные воображением авторов эпизоды прошлой войны. Так, например, американский журнал «Сатэрдэй ревью оф литерачюр» (апрель 1948 года) рекламирует военно-морской роман Хэммонда Иннеса «Сигнал шторма». Действие происходит в условиях морской войны с Германией. Журнал называет роман первоклассным. «Он богато расшит узорами всевозможных приключений, — восторженно пишет рецензент. — в нем множество нападений пиратов, убийств, погони за сокровищами и романтики».

В упомянутом нами романе Уолферта «Банда Тэккера» рассказано о том **страхе**, которым проникнута жизнь современных американцев. В обществе, превратившемся, пользуясь словами Шекспира, в «лес, населенный хищными зверями», где каждый готов во славу «свободной» конкуренции перегрызть другому горло, нет спасения от страха. На этом страхе построена вся литература о гангстерах.

Запугивание обывателя, прославление всяческих зверств и преступлений приняло такие грандиозные размеры, что даже отнюдь не прогрессивный журнал «Сатэрдэй ревью оф литерачюр» вынужден был признать, что в США «пропаганда на нынешнем этапе обладает одной зловещей ноткой: ноткой страха, а неизменный спутник страха — ненависть...» В той же статье говорится, что «апокалиптические видения, независимо от того, фабрикуются ли они умышленно экспертами по пропаганде или же являются невинным литературным приемом, используются писателями для создания душераздирающих и ходких романов. А с их помощью можно заставить народ согласиться на военное обучение или на предоставление колоссальных сумм, требуемых для смертоубийственных бактериологических или атомных орудий войны».

Но у этой литературы ужаса и страха есть еще одна черта. Если человек, добился успеха и разбогател, неважно, какими средствами, хотя бы и путем «негативного творчества», т. е. убийства, — почет ему и уважение, — таков откровенно провозглашенный кодекс современной капиталистической Америки, не прикрытый никаким «моральным» флером. И отсюда восторг перед героем-гангстером, который умеет и «ворочать мозгами», и пырнуть ножом, и загребать ловкими руками награбленное добро.

Есть прямая связь между модной в США философией буржуазного индивидуализма и аморализма (с ее лозунгами: все дозволено, ибо не существует твердых принципов, которыми должен руководствоваться человек) и литературой, прославляющей морального отщепенца и цинично называющей гангстера, сутенера и шпиона своим центральным героем.

Подлинная ирония положения заключается в том, что буржуазной литературе, далекой от масс, хотя и отравляющей их сознание, некем заменить гангстера. Еще в 30-х годах драматург Сэмюэль Берман написал пьесу «Метеор». Герой этой пьесы Рафаэль Лорд грязными путями достигает богатства и торжествует над своими соперниками. Пьеса наделала много шума в США, поднялись споры, по поводу которых литературовед и критик профессор Квинн примирительно заметил: «Берман прав, позволив восторжествовать Рафаэлю Лорду. Ибо вряд ли зрители получили бы удовлетворение от победы соперничавших с Рафаэлем Лордом капиталистов, которые еще хуже, чем он». Действительно, безвыходный круг!

Культ преступления проникает во все жанры литературы. Критик Беверли Бекстер на страницах английской газеты «Ивниг стандарт» сетует на то, что «положительный тип женщины исчез из репертуара английского театра». Он перечисляет несколько пьес истекшего сезона. В одной «публику забавляла подлость героини», в другой «одна героиня пьянствовала, вторая предавалась разврату, и зрители приходили в театр, чтобы стать свидетелями этого двойного падения». в третьей место героини занимало «непотребное существо, животное в образе женщины».

Особенный успех в минувшем театральном сезоне в Лондоне выпал на долю пьесы Олдоса Хаксли «Улыбка Джиоконды», являющейся инсценировкой одноименного рассказа того же автора. Героиня, «восхитительная и обаятельная женщина с улыбкой Джиоконды», отравляет мышьяком жену своего любовника. «Мы теперь свободны!» — говорит она, бросаясь к нему на шею. Но он не отвечает на ее призыв и женится на другой. Тогда она пишет на него ложный донос. Труп вырывают из могилы, и медицинская экспертиза констатирует отравление мышьяком.

Так беспрерывно работает машина литературного бизнеса, выбрасывая на рынок поток романов, рассказов, пьес. Совсем недавно американский писатель Чарльз Джексон, стяжавший известность романами об алкоголизме и сексуальной извращенности, опубликовал новый роман «Наружный край», посвященный на этот раз изнасилованию и убийству. Буржуазная критика тотчас провозгласила это произведение колоссальным «творческим достижением» Джексона. Сущность же романа заключается в том, что все действующие в нем лица являются потенциальными убийцами и насильниками, потенциальными гангстерами. Все они, так или иначе, сопричастны к убийству. Перед читателями возникает чудовищная картина духовно опустошенного, разложившегося преступного буржуазного общества и его героя — гангстера, увенчанного лаврами «успеха» и с наглым цинизмом требующего для себя «всемогущества».

Воистину плохи дела у буржуазного общества, если уголовные преступники выдвигаются в качестве единственных героев.

ПЕРЕДОВОЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Я. РЕЦКЕР

Новая книга Джека Линдсея

В современной прогрессивной английской литературе Джек Линдсей занимает видное место и как автор талантливых и богато документированных исторических романов, и как ученый-исследователь и публицист, и как активный участник борьбы за мир и демократию. В последних его книгах все ярче выступает революционно-демократическая тенденция и стремление воплотить в искусстве прогрессивные идеи.

Перу Д. Линдсея принадлежит больше двадцати романов, в том числе «Последние дни Клеопатры», «К оружию» (о древней Галлии), роман о разгроме Непобедимой армады, «Свет в Италии» (о движении карбонариев), два романа из жизни древнего Рима, «1649» (об английской революции) и другие, а также роман на тему из эпохи второй мировой войны «Мы вернемся» (Дюнкерк).

В длинном списке исторических романов Джека Линдсея его новая книга «Люди сорок восьмого года» занимает особое место. Писатель сумел дать в ней и более широкую картину эпохи, и более углубленную обрисовку характеров, чем в его предыдущих романах, и, что самое главное, подняться до подлинного раскрытия движущих сил истории.

Революционный шквал, пронесшийся над Европой сто лет назад, не только опрокинул троны, но был знамением глубокого кризиса буржуазного сознания. Вера в незыблемость основ капиталистического общества была поколеблена. Впервые на мировую арену политической борьбы вступил пролетариат. Кризис сознания английского буржуазного общества и является темой романа Джека Линдсея. Писатель показывает, как лучшие представители буржуазной интеллигенции разрывают со своим классом и переходят в лагерь социальной революции.

Центральная фигура романа — молодой аристократ, сын крупного земельного собственника Ричард Бун, получивший блестящее образование в аристократическом колледже в Итоне, а затем в Кембриджском университете. Ни своим воспитанием, ни окружавшей его средой Ричард не был подготовлен к революционной деятельности. Его бунт против буржуазного общества, против своего класса — это бунт сердца, восстание чувств. Его путь к революции сложен и извилист. Начав с того, чем кончил Рудин,—с участия в революционных боях на улицах Парижа, он сам не понимает, какая сила бросила его на баррикады. Ему ясно одно: это причины узко личного характера. В отличие от своего друга Тома Скемлера, пришедшего к чартизму, к революции рассудочным путем, Бун переживает длительный период колебаний, сомнений в правильности избранного им пути.

Первое соприкосновение с массами на парижских баррикадах, которые Бун с оружием в руках отстаивал под огнем королевских войск, еще не сделало его подлинным революционером. Очень интересно раскрывает Линдсей сложность внутреннего мира своего героя после этого первого опыта. Ричард болезненно воспринимает отвратительный мир, в котором живет, мир, где царят зверская жестокость, алчность, где все продается и покупается. Но сначала он не видит социально-экономических корней этого зла, не понимает исторической роли пролетариата в уничтожении этого зла.

После первого спада революционной волны — после разгрома июньского восстания во Франции—он теряет веру в реальность революционного пути.

Ричард Бун, как и его предшественники в других романах Линдсея, выступает вначале как индивидуалист и эстет. На баррикаде, в момент боя «его захлестывает волна восторга, как будто он в опьянении слушает бетховенское скерцо». На следующий день, ворвавшись вместе с парижским народом в Тюильрийский дворец и глядя на пляшущую в королевских покоях толпу, он терзается сомнениями: «А что, если этот взлет духа — явление такого же порядка, как и восторг, который он испытывает, слушая четвертую часть пятой симфонии Бетховена? Что же происходит с ним? Нечто величественное и многозначительное? Ломка всего жизненного уклада? Почему же он теряет веру всякий раз, когда погружается в мелочи повседневной жизни, когда читает газеты или прислушивается к разговорам?»

Разгадка состоит в том, что Ричард Бун еще не порвал со своим классом, в том, что его протест еще лишен глубоких социальных корней.

Большой удачей Линдсея нужно признать развитие образа Ричарда Буна, его постепенное превращение из стихийного бунтаря, полуанархиста в подлинного революционера.

Огромную роль в этом воспитании революционера сыграло влияние передовых идей. После июньского восстания Бун, раненный на баррикадах, тайно привозит в Лондон французский перевод Коммунистического манифеста. С глубоким волнением, едва сдерживая слезы, он читает пламенные строки, прозвучавшие, как набатный колокол, во всем мире. Теперь он ясно видит свой путь.

Для того чтобы его моральный протест перерос в протест социальный, нужно было более жестокое столкновение с действительностью. Дома, в родовом поместье, он видит, как истязают 8—10-летних детей, работающих на отцовских полях под хлыстом надсмотрщика. Он видит бесчеловечную эксплоатацию крестьян-арендаторов. На его просьбы пощадить хотя бы детей отец отвечает холодным отказом, насмешками над его «чувствительностью». Тогда Ричард об'являет войну родному отцу, толкает крестьян на поджог усадьбы. Отец лишает его наследства и всякой материальной поддержки.

Порвав с семьей, Бун идет на открытый разрыв с обществом, жертвуя всем, что было ему дорого в прошлой жизни. Он с головой уходит в чартистское движение. Все еще руководствуясь чувством, инстинктом, он тем не менее идет дальше в своих революционных устремлениях и проявляет подчас более острое чутье в оценке событий и людей, чем его уравновешенный и рассудочный друг, видный чартист Скемлер.

Ричард Бун женится на девушке, которая, как и он, порывает с буржуазным миром и бросает семью, чтобы жить и бороться вместе с ним. Но он не может довольствоваться семейным счастьем. Громовые раскаты артиллерии с улиц Вены доносятся до Лондона, и Ричард покидает Мэри и отправляется в Вену, на баррикады. С оружием в руках он попадает в плен, и карательный отряд расстреливает его на месте.

В книге Линдсея не всегда удачно разрешается наиболее сложный вопрос композиции исторического романа: включение документального материала в ткань повествования. Наряду с яркими страницами, где автор с большим мастерством дает полную напряженной динамики картину революционных боев на улицах Парижа, выступлений чартистов в Лондоне, в романе есть и сухой протокольный пересказ исторических документов. Но эти и некоторые другие недостатки романа «Люди сорок восьмого года» не могут сыграть существенную роль в общей положительной оценке книги.

В романе очень ярко обрисована предательская роль либеральной буржуазии в революционном движении Франции и Англии. В лице вождя чартистов Фёргюса О'Коннора Линдсей с большой сатирической силой заклеймил мелкобуржуазные утопии либерального крыла чартизма. Вместе с тем в романе четко и определенно показана ведущая роль пролетариата в революционном движении. И поэтому книга Джека Линдсея, безусловно, является крупным произведением современной английской прогрессивной литературы.

Men of Forty-Eight by Jack Lindsay. Methuen London. 1948. pp. 448.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02676